

Дмитрий
Собына

НЕПОКОРЕННЫЙ «БЕРКУТ»

Дмитрий Собына

Непокоренный «Беркут»

«Новая Орианда»

2016

УДК 82-94
ББК 63.3(4Укр)64

Собына Д. Л.

Непокоренный «Беркут» / Д. Л. Собына — «Новая Орианда»,
2016

ISBN 978-5-9908955-1-5

Книга о событиях, происходивших в Киеве с ноября 2013 по февраль 2014 г. и кардинально изменивших судьбу Украины. Они описаны непосредственным их участником – сотрудником спецподразделения «Беркут». Автор вкладывает в рассказ главного героя впечатления, раздумья и переживания, выплавленные в непростой духовно-нравственной работе. Долг, честь, предательство, любовь и малодушие – всему есть место.

УДК 82-94
ББК 63.3(4Укр)64

ISBN 978-5-9908955-1-5

© Собына Д. Л., 2016
© Новая Орианда, 2016

Содержание

Окопная правда «Беркута»	6
От автора	9
Непокоренный «Беркут»	11
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Собына

Непокоренный «Беркут»

© Д.Л.Собына, текст, 2016

© «Н.Оріанда», макет, оформление, 2016

Окопная правда «Беркута»

Термин «окопная правда» возник очень давно, так обычно говорят о высказываниях и мнении непосредственных участников боевых событий, тех, кто находился на передовой, кто на себе испытал все тяготы, весь груз вооруженного противостояния. «Окопная правда» редко бывает лицеприятной для командиров, она резка и бескомпромиссна в своих оценках и суждениях, но именно она может передать непосредственное видение противоборствующих сторон. Без этой составляющей невозможно представить полную картину произошедшего, по большому счету, без этой точки зрения нельзя узнать правду.

Именно такова и эта книга воспоминаний, одного из участников противостояния в центре Киева зимой 2013–2014 года. Почему я решил не только написать вступление к этому произведению, но и всеми силами содействовать, чтобы подобная книга увидела свет, нашла своего читателя?

Прежде всего потому, что события такого масштаба, столь трагичные и кровавые, как вооруженный государственный переворот на Украине, в виде евромайдана, будут еще долго требовать ответов. А ответы эти невозможно найти, не рассмотрев все нюансы тех событий, не получив полную информацию из самых разных источников, не узнав истинных мотивов и целей непосредственных участников.

Я не стану давать оценку самому тексту книги, за исключением одной – все, что сказано от имени бойца подразделения «Беркут» – это правда, их личная, выстраданная правда, правда тех людей, что были последним оплотом государственности Украины. Не власти Януковича, как это сегодня пытаются представить пропагандисты хунты, а именно государственности, Конституции, законности, правопорядка, а по существу, самого существования Украины. Это правда тех, кто оставался до конца верен присяге, кто всей своей сущностью понимал, что они последний рубеж перед хаосом и беззаконием.

Я очень часто слышу упреки, почему не разогнали мятежников, почему не дали команду «Беркуту» и т. д. – ответ и прост и сложен одновременно. И об этом я подробно рассказываю в своей книге «Кровавый евромайдан – преступление века», но если сказать коротко, то ответ будет практически такой же, как и у моих бойцов – «Беркутовцев». Мы все, начиная от рядового милиционера и заканчивая Министром МВД – служители закона, люди, присягнувшие Государству, обязавшиеся хранить его Конституцию, и предпринимать что-либо без приказа главнокомандующего, Президента Украины, действовать на свое усмотрение, не имеем права. Иначе мы превратимся в таких же преступников, как те, кто захватил власть, поправ все законы государства Украина.

Второй вопрос, который звучит очень часто, почему не удержали, почему отступили? В ответ я всегда говорю очень парадоксальную фразу для непосвященных в истинное положение дел на тот момент в МВД Украины и государства в целом. Звучит он так: «Я поражаюсь, почему мы смогли так долго продержаться!». И в этом нет никакого позерства.

В том состоянии, в котором я принял МВД в ноябре 2011 года, было абсолютно понятно, что милиция требует срочной и коренной перестройки, нужно было реорганизовывать практически все, настолько были запущены все аспекты деятельности министерства.

Приведу только несколько наиболее показательных примеров. В министерстве было более 20000 недокомплекта личного состава, квартирная очередь была чудовищной, большинство милиционеров, служивших, к примеру, в Киеве, либо жили в общежитиях, либо снимали квартиры. После многолетнего «руководства» таких «профессионалов» как Луценко – кадровый потенциал МВД находился в плачевном состоянии. Эрозия коррупционности и партийности (т. е. принадлежности сотрудников МВД к определенным партийным группам и олигархическим кланам) во всех уровнях министерства была катастрофичной. Любые наши действия по

очищению от этих явлений МВД вызвали ожесточенное сопротивление не только со стороны политических оппонентов власти, но и из стана так называемых провластных сил. Более того, все мои призывы к руководству страны обеспечить реформы финансированием, так и остались благими пожеланиями. В результате мы могли рассчитывать только на собственные силы и внутренние ресурсы.

При этом мы не испытывали иллюзий и знали, что попытка госпереворота обязательно будет предпринята к президентским выборам 2015 года. Планомерно к этому готовились, но, к сожалению, нам не хватило времени. По большому счету, МВД осталось единственной силой, противостоящей перевороту.

В любом случае, мне не в чем упрекнуть моих подчиненных, обычных милиционеров и бойцов «Беркута» – они честно и самоотверженно выполнили свой долг. Не их вина, что политики этой страны оказались недостойны их подвига. Убежден, что история и народ Украины, когда сойдет морок неонацизма, по достоинству оценит подвиг этих героев, своих лучших сынов.

Захарченко Виталий Юрьевич,
министр МВД Украины (2011–2014 гг.)

От автора

С первых же строк хочу поблагодарить всех, кто помогал мне написать эту книгу. В ней частичка каждого из ВАС. Садясь за написание своей книги, я даже и не думал, что когда-нибудь она будет издана. Приехал из Киева и окунулся в атмосферу, где все, чем я жил и работал, на чем вырос, искажалось, перевиралось и уничтожалось. Весь привычный мир рушился, а на его руинах нам пытались навязать чуждый нормальному человеку дутый мыльный пузырь. Везде прославляли майдан: сочиняли песни, снимали кино, писали книги, герои майдана давали интервью, а раненые правоохранители по-тихому залечивали раны, скрывая – где они их получили. Прославлялись псевдопатриоты, которые ради собственной сиюминутной выгоды привели свою страну к войне и обнищанию. Хотелось бы поблагодарить тех граждан, которые не спрятали, как страусы, голову в песок, а помогали пострадавшим на майдане правоохранителям. Низкий поклон всем тем, кто до последнего выполнял свой долг перед страной и народом, и нет их вины в том, что все так сложилось. Я понимаю, что для Генеральной Прокуратуры Украины моя книга может послужить стимулом к новым задержаниям и арестам, поэтому специально для них: все изложенное – вымысел автора, а все совпадения случайны. Для всех остальных просто скажу: «Правду уничтожить невозможно»!

Было бы неправильно, рассказывая про майдан, прославлять только «Беркут», ведь кроме них там были и внутренние войска, патрульная служба и другие сотрудники правоохранительных органов, честно и самоотверженно выполняющие свой долг. Да, «Беркут» – это кулак, но пальцы этого кулака – правоохранители, не нарушившие присягу и боровшиеся с гос. переворотом. Они, как пограничники, в далеком июне 1941 года первыми принявшие удар вероломного врага. Ведь майдан положил начало братоубийственной войне в Украине.

Поначалу мне хотелось показать героев моей книги сплошь с положительной стороны, решительно преодолевающих трудности и не сгибающихся под их тяжестью, такими ангелами во плоти. Но потом в процессе создания книги я понял: будет несправедливо по отношению к читателю обманывать его, идеализируя персонажей. В «Беркуте» служат обычные люди со своими человеческими слабостями и пороками, им так же, как и всем, бывает страшно, больно и обидно. Однако традиции, сложившиеся за годы существования этого подразделения, воспитывают настоящих мужчин, для которых не чужды понятия долг, честь и дружба. За весь майдан не было ни одного предательства и перехода на сторону оппозиции, хотя искушений с их стороны было немало. Не спорю, были единичные случаи малодушия, но все это происходило в середине подразделений, как говорится, в семье не без урода. Все эти мелочи не влияли на выполнение поставленных руководством задач.

Сейчас очень обидно, когда политики делят Украину на Западную и Восточную. Где-то я прочитал интересную цитату: «Для меня нет мусульманина и иудея, белого и черного, есть только плохие и хорошие люди». На майдане мы стояли плечом к плечу со львовским «Беркутом» и, не покривив душой, могу сказать, что это БОЙЦЫ с большой буквы. Их смелость и самоотверженность достойны уважения, я и многие мои товарищи обязаны им своим здоровьем, а некоторые и жизнью. Большое ВАМ спасибо – братаны. Эти простые парни многое пережили после возвращения на родину, которая стала для них мачехой. Их базу сожгли 20 февраля, перед самым приездом основных сил из Киева.

Радикалы забросали ее «коктейлями Молотова» с разных сторон. Пытаясь потушить огонь, погибли два бойца «Беркута», задохнувшись в дыму, а начальника штаба майора Сергея Голуба товарищи вытащили из огня с многочисленными ожогами. Позже его обвинят в поджоге здания. Приехавших, уставших спецназовцев, честно выполнявших свой долг и до конца оставшихся верными присяге, встретят радикалы, держащие в заложниках семьи бойцов «Бер-

кута». Угрожая жизни их родных и близких, заставят стать на колени. Пройдя все эти круги ада, почти все они уволятся из МВД, а многие вообще уедут из Украины.

Довольно часто возникает вопрос: «Почему же „Беркут“ сразу не уехал в Россию или на Донбасс после майдана? Почему остались служить в МВД?»

Ответы на все эти вопросы у каждого свои. И как-то обобщать их здесь – будет неправильно.

Молодые сотрудники «Беркута», прослужившие два-три года, уходили не задумываясь. Они не настолько сильно были привязаны к подразделению и к родному городу.

А были и те, кто пережил девяностые и начало двухтысячных, когда всю милицию лихорадило, когда зарплату выплачивали раз в три месяца и ее едва хватало, чтобы дотянуть до следующей... Эти бойцы работали не за страх, а за совесть. Они искренне были убеждены в том, что и сейчас, в трудное и подлое время, нельзя уходить из «Беркута». Судьба спецподразделения была им небезразлична. Они понимали, что нельзя отдавать его на откуп политическим проходимцам, выдвинувшимся на майданной волне. Ситуация тогда виделась нам следующим образом: уход любого бойца, стоявшего с нами на пути беснующейся толпы в Киеве, – это брешь в нашей стене. Уйдешь ты – в батальоне появятся случайные люди, «слабые звенья». Еще хуже – если это будут идейные нацисты. А они уже пачками получали удостоверения МВД, подписанные майданно-фейсбучным министром.

Мы считали, что в «окайные дни» надо держаться вместе и, по возможности, защищать наших людей и наш город от пришедших радикалов, которые только и ждали момента, чтобы отыграться на Харькове... Так было 14 марта 2014 года на Рымарской, когда нацисты убили двух ребят-антимайдановцев и тяжело ранили милиционера. Харьковские правоохранители задержали радикалов на месте преступления. Но потом киевские покровители «отмазали» этих нацистов, выдав им «путевки» в карательные батальоны.

Мало кто знает, что Харьков готовили показательную расправу, подобную той, что произошла в одесском Доме профсоюзов. Майданным вождям было важно устроить побоище в городе, который отказывался принимать их ценности. Караван «дружбы» украинских националистов ехал в Харьков 12 апреля 2014 года. «Беркутовцы» и милиционеры остановили эти автобусы на границе Полтавской и Харьковской областей, изъяли у радикалов оружие. «Гастролерам» популярно объяснили, что такое закон и порядок. И запланированной трагедии в нашем городе не произошло.

И потом нам приходилось приводить в чувство тех «воинов света», которые везли в Харьков оружие из зоны «АТО». Бойцы уже расформированного «Беркута» защищали мирных жителей донбасского поселка от распоясавшихся карателей из батальона «Днепр»; задерживали «отморозков» из «Торнадо»... Обо всем этом можно написать следующую книгу...

Многие из нас в 2014 году не догадывались, насколько затянется это политическое беснование. Руководствовались принципом: делай что должен и будь что будет. Мы надеялись, что смутное время скоро закончится, что, по крайней мере, в Харькове будет немайданная власть. Мы были уверены, что рано или поздно в стране придется наводить порядок – и «Беркут» обязательно будет участвовать в этом, получив долгожданный приказ... Мы и сейчас верим, что такой момент однажды наступит.

Непокоренный «Беркут»

Глава 1

Иван Журба сидел перед телевизором в своей однокомнатной квартире и, всматриваясь в экран, вспоминал 2004 год. Опять то же самое, протесты, митинги недовольных, лица одни и те же, да и требования сильно не изменились. Вспоминался холодный и промозглый декабрь 2004, как стояли со щитами после оттепели, был небольшой морозец и от мокрого снега промокли берцы, ноги быстро замерзали и мелкая, противная дрожь пробегала по всему телу, мечталось о теплой батарее, к которой можно прислониться. Рядом женщина с помятым лицом, позируя фотографу, вставляла в щит гвоздички, улыбалась, а в глазах читалась ненависть и презрение. Снова на КрАЗах, которые стоят перед шеренгой из щитов, молодые студенты со стеклянным взглядом и отсутствующим выражением лица, скандирующие «Міліція з народом» и «Руський спецназ, йди до нас». Просто вчера, когда достали одним и тем же вопросом: «Звідкиля ви?», один из наших ответил: «Да вятские мы», а сегодня по радио услышали: в Украину прилетел русский спецназ и один из лидеров оппозиции заявил, что видел, как спецназовцы в российской форме выходили из самолета. Мечта была одна: скорей бы уже отстоять свою смену да пойти завалиться на матрас в коридорах Администрации Президента, стянуть мокрые ботинки, а ноги засунуть под бушлат и, почувствовав тепло, подремать.

Вспомнились студенты, которые стояли напротив нас с флагом Украины, и с фанатичным блеском в глазах на протяжении трех-четырех часов скандировали одно и то же: «Банду геть», и по-братски делили пачку трамадола, запивая лекарство водой, а рядом стоял мужик в старом драповом пальто и поддерживал молодежь простуженным охрипшим голосом, иногда прикладываясь к фляжке, доставаемой из внутреннего кармана. Между толпой и «Беркутом» стояли уже немолодые мужики спортивного телосложения, которые постоянно уговаривали бойцов переходить на сторону народа.

Из задумчивости Ивана вывел громкий звонок мобильного.

– Привет, это дежурный. Завтра в десять вечера выезд на Киев.

– Надолго?

– Да нет, дня на четыре, ну максимум на неделю, так что вещей много не набирай, а то в автобусе и так места мало будет.

– А где жить будем, неизвестно?

– Вроде на базе под Киевом, ну ладно, давай, а то мне еще людей обзванивать надо.

Не выпуская из рук трубку, Иван начал прикидывать, что нужно с собой брать. Ехать придется в служебных автобусах, а в них места не много, а еще спецсредства. Куда все засовывать? Нужно позвонить Гене Находько: интересно, он едет? Если да, то подберет на своей машине, ему все равно по пути, не хочется с сумкой по общественному транспорту таскаться.

– Алло! Привет, братан, тебе дежурка еще не звонила? Нет? Завтра на Киев едем. Как что там? Да телек включи, посмотри, плохо жили, хватит. Пойдем в ЕС через кис май эс. Ты из жрачки что брать будешь?

– Да, думаю, жена окорочков нажарит, картохи в мундирах да сала, воды по дороге возьмем. А ты?

– Ну, красиво жить не запретишь, твой салат в первую очередь и слопаем. Да вроде дежурный сказал ненадолго, дня на четыре-пять. Сколько человек едет – не знаю. Ну, думаю, большую половину пошлют. Что-что? Да связь сегодня плохая. Кто? Шляпенко? Этот останется, кому-то нужно здесь наряды перекрывать. Что? – дежурка на второй линии? – ну все, давай.

Почеловав жену и сказав дочкам, чтобы слушались маму, Иван с сумкой вышел на улицу. Генка еще не подъехал, а на улице дул сырой промозглый ветер. Подняв воротник куртки, всматривался в темноту, опять по улице свет отключили, зима еще не началась, а уже надоела. Подъехал Гена на своей старой девятке. Запрыгнув на переднее сидение, почувствовал, как из обдува дует теплый воздух, машина у друга хотя и старушка, но еще резвая.

– Когда ты уже новую себе купишь? – обратился к другу Иван, подставляя руки к обдуву.

– Зачем? Ездит, сильно не сыпется, что еще надо? Есть другие проблемы, более насущные. Владу кровать нужно купить, а дочурке планшет, – объяснил Гена, повернувшись к Ивану.

– Ты прикинь, дочке три года, я ей говорю, что хочешь на день рождения от папы и мамы? А она – планшет. Буквы еще все не выговаривает, а в моем телефоне ковыряется лучше меня.

– Ты на дорогу смотри, – урезонил товарища Иван. – Сейчас дети быстро развиваются. Скоро скажет «хочу мерседес».

– Не, моя не скажет. Скромная, вся в меня, – заулыбался Гена.

На базе, как в растревоженном уликe, все куда-то спешат, куча команд. Переодевшись, Журба поставил сумку в автобус, чтобы занять место; нужно еще рацию получить, куда ее засовывать?

Построили на плацу, зам начальника УВД сказал никому не интересную, скомканную речь, в которую мало кто вслушивался. Потом выступил командир, проверили удостоверения, рации, и наконец – команда: «По автобусам!». Давно пора, не май месяц на улице, уже зуб на зуб не попадает.

В автобусе провели переключку и, доложив, что у нас все, стали накрывать на стол. Стол сделали из сумок, положив сверху пару бронежилетов и застелив журналами «Именем закона», что зря выписываем по сто штук в месяц. Места у стола всем не хватало, поэтому бутерброды передавали по салону. Иван взял еще теплый окорочок с хлебом, огурец и отнес водиле.

– Игорек, ты смотри не засни, если будешь засыпать – маячь и рацию на канал командира настрой.

– Хорошо, я сегодня дома выспался, так что до Киева хватит, сейчас какую-нибудь музычку найду, повеселее будет, – ответил водитель, настраивая радиостанцию.

Иван вернулся на свое место и, положив под спину броню, оперся на нее. В салоне звучала российская попса. Сон что-то не шел. «Черт, как не вовремя этот Киев, только жене пообещал к теще съездить, у нее там старые двери в сарай разваливаются, нужно новые сбить, и тут на тебе. Опять будет обижаться, правда, мне не скажет. Надо жене позвонить, а то заснет, не хочется будить».

– Привет, солнце, не спишь еще? Да перекусили с пацанами немного, сидим, байки травим. Маме завтра позвони, скажи, что через недельку приеду, сделаю двери на сарае. Ну почему не будет ждать? Да недельку подождет, что это, от меня зависит, я ж не сам в этот Киев еду. Ну, ты видела, за кого замуж выходила, знала, какая у меня работа. Ладно, мы там не долго, надеюсь. В автобусах посидим пару деньков и домой. Ну, все, пока, и дочек на ночь крепко поцелуй за меня. Все, спокойной ночи. Люблю вас.

Снова вспомнились выборы 2004, как на перекрестке в машине сидели два гаишника, а вокруг них по кругу ездили пять машин с помаранчевыми флагами, пьяная молодежь пела песню: «Разом нас багато і нас не подолати». В то же время другие водители стояли в пробке и усиленно сигналили, выражая свою солидарность с демократической молодежью и возмущаясь, что милиция, как всегда, не работает.

Остановились у обочины, все повыходили из автобусов и принялись дружно курить, некоторые пошли ближе к посадке, через некоторое время команда: «По машинам»! Весело перебрасываясь шуточками, залезли в автобус, все-таки зябко и сыро на улице.

– Свет выключай в салоне, – крикнул кто-то сзади. Иван устроился поудобнее на сидении и попытался заснуть.

Проснулся от боли в спине, встал, потянулся и хромая на левую ногу, которая занемела, поковылял к выходу. На улице было сыро и со стороны Днепра дул холодный, промозглый ветер. Недалеко от выстроенных в ряд автобусов была сцена, накрытая крышей в виде ракушки: «Ну как в старые добрые времена, опять на ракушку в Мариинский парк привезли. Сколько „Беркутов“ нагнали». Сделав небольшую зарядку чтобы размяться, Иван пошел вдоль шеренги автобусов, поглядывая на номера. Возле «Неоплана» стояло человек десять, о чем-то увлеченно разговаривая.

– Откуда, пацаны?

– 3 Житомиру.

– А где Днепр стоит, не знаете? Нет, ну спасибо. Иван вернулся к автобусу. Уже все проснулись и повыходили на улицу, разминая затекшие ноги. Некоторые за автобусами чистили зубы, ополаскивая рот водой из бутылок, другие разложили тормозки, что взяли из дома, на деревянных с облупившейся старой краской лавочках, которые стояли перед сценой. Иван тоже зашел в автобус и, взяв свой тормозок и термос, пошел к коллективу. Разложив свои нехитрые харчи, Иван прислушался к разговору командира роты и двух милиционеров. Командир роты Сергей Васильевич убеждал, что Янукович не такой мягкотелый как предыдущий президент, порядок быстро наведет, два-три дня, и поедем домой, вон видите, сколько силы нагнали. Василичу парни доверяли – крепкий мужик, да и за словом в карман не полезет, но все равно Генка ему возражал:

– Все-таки здесь Евросоюз заинтересован в Украине, может и не потянуть Янык.

Опять начался старый спор: нужны мы как страна Евросоюзу или не нужны, с кем нам лучше будет – с Россией или в Евросоюзе. «Наверное, Евросоюзу мы точно не нужны, голодранцы, там и так голожопых хватает» – подумал Иван, дожевывая бутерброд, достал термос и налил чая.

К спорящим подошел командир и, послушав спор несколько минут, приказал заканчивать, доедать и идти одеваться. Иван встал, взял термос и сказав: «Европе мы нужны, чтобы через нас Россию пугать. Пошли одеваться, а то сейчас построение будет», не поворачиваясь, пошел в сторону автобуса. В автобусе царил беспорядок: одни искали свои спецсредства, переставляя сумки с места на место, другие надевали бронежилеты и наколенники с налокотниками, кто-то искал, куда дели его палку, стоял шум и гомон. Журба стал возле передней двери в автобусе, наблюдая за происходящим в салоне.

– Вань, а противогаз надевать? – спросил молодой боец, высунув голову на улицу.

– Конечно, надевай, и маску сразу на голову надень, только подверни, – ответил Иван.

– А шлем на голову или в руках? – услышал крик из автобуса.

– На руку.

Стали выходить те, кто уже экипировался. Иван зашел в салон, быстрыми и привычными движениями надел противогаз и сверху на бушлат накинул бронежилет, застегнул липучки на налокотниках и наколенниках, схватив палку и шлем выскочил и встал в конце строя. Перед строем вышел командир и начал объяснять:

– Так, шлемы на голову. Сейчас идем к Кабмину, там стоит человек пятьдесят, восемьдесят снизу идут, еще идут человек сто пятьдесят с флагами «Свободы», палки не применять, ясно?

– Так точно!

– Ну, тогда пошли.

Колонна потянулась через Мариинский парк. Редкие прохожие бросали тяжелые взгляды исподлобья и побыстрее торопились уйти с дороги силовиков. Возле Кабмина стояла толпа народа с флагами Евросоюза и «Свободы» и кричали: «Банду геть!», «Януковича у відставку!». Перед толпой со стороны здания стояли вэвэшники в две шеренги, за ними стояла шеренга

«Беркута». Чуть в стороне стояли корреспонденты, давая на камеру комментарии на фоне происходящего. Командир остановил колонну и сказал:

– Через заезд не пройдем. Перелазим через каменные блоки.

Бойцы перелезли через ограждение, выстроились на ступеньках Кабмина, а командир пошел на инструктаж, где уже стояли несколько руководителей «Беркута». Перед ними полковник в черной кожаной куртке с рацией в правой руке, с растерянным лицом, общими фразами пытался руководить процессом. Через несколько минут к митингующим подошла еще толпа с флагами УНСО и «Свободы», эти были настроены более агрессивно. Потихоньку вперед стягивались молодые парни с поломанными ушами и носами: «спортвики», поближе к корреспондентам подошли с десятков пожилых, но крепких мужиков с обвислыми усами казаков, и старушек в совдеповских пальто и старых выцветших куртках, расстегнутых так, чтобы было видно вышиванки, в руках иконы, аккуратно обернутые рушниками. Иван подошел немного ближе и сразу же увидел старых знакомых. Крепкого парня с русым ежиком волос и уверенным, внимательным взглядом, в короткой кожаной куртке и кожаными перчатками. Постукивая кулаком в раскрытую ладонь, он внимательным взглядом сканировал шеренги милиции, иногда поворачиваясь и говоря что-то двум другим молодцам, стоявшим у него за спиной.

– Василич, узнаёшь вон тех троих, чуть левее от флага ЕС, – повернулся Иван к командиру роты.

– Ага, это ж наши друзья, что с нами качались, когда Юльку из Печерского суда выводили, Турчин еще тогда разрывался, а Юле семь лет впаяли.

– Но тогда они поплотнее были, а сейчас похудели, видать заканчивается золотой запас у батки, на голодном пайке держит, – поддержал Ивана ротный.

– Злее будут, – согласился с ротным Иван.

– Пойду комбату доложу про этих отморожков, вон их как раз полкан распустил с инструктажа, а ты за ними посматривай, чувствую, будет замес сегодня.

Толпа понемногу разогревалась. Сначала старички с казацкими усами стали хватать за броники и умоляли пропустить их в Кабмин, хотя и сами не знали, зачем им туда нужно, при этом елевым голосом спрашивали: «Вы с народом, сыночки?». Немного позже к дедушкам присоединились «спортвики» и навалились дружной толпой, пробуя потеснить шеренги милиции назад. А в это время из-за спин боевиков, которые толкались с милицией, дедушки били по шлемам удочками, на которых висели чёрно-красные флаги и флаги «Свободы», при этом норовя попасть в лицо и выколоть глаз. Пользуясь суматохой, в лицо «Беркутам» из толпы стали брызгать слезоточивым газом.

Видя, как беркутенку слева удочкой разодрало лицо, Журба попытался рукой поймать ее, но никак не получалось. Отвлечшись, пропустил момент, когда перед лицом появилась рука в черной перчатке с накладками на костяшках и баллончиком со слезоточивым газом. Иван еще хотел что-то сказать, но тугая струя газа попала в открытый рот и в глаза. Дыхание сразу оборвалось, а глаза наполнились слезами, лицо стало нестерпимо гореть. Чувствуя рвотные позывы, милиционер начал пятиться назад, протискиваясь через шеренги. В голове билась мысль: «Главное не терять глаза, а то будет еще хуже». Выпав позади строя, он пытался откашляться. Кашель разрывал легкие до боли в груди и никак не мог остановиться, во рту и в горле все горело. Сплевав на асфальт, он стянул шлем и маску. Кто-то сунул в руку бутылку воды. Иван стал промывать глаза и лицо, кашляя и сплевывая горькую слюну. Постепенно стало попускать. Возле уха раздался голос командира:

– Забрало надо опускать и ворон не ловить.

– Да какое забрало, оно через минуту запотеет и ничего не видно.

– Ладно, промывай глаза, я уже выставил вперед пацанов в противогазах.

Иван отошел к бетонному ограждению, продолжая промывать глаза. Постепенно предметы стали обретать очертания. Из шеренги вывалился Рыжий из третьей роты, лихорадочно

сдирая с лица противогаз, и его сразу стошнило. Журба подошел к Рыжему и протянул ему начатую бутылку с водой:

– На, попей, полегчает.

Рыжий хлебнул воды, обмыл лицо и, промывая глаза, сказал:

– Падлы, в паре работают, один противогаз оттягивает, а второй в это время под противогаз из баллона газом пшикает. Я пока шлем отстегнул и противогаз снял, уже теряться начал, думал и воткну. Сегодня вдоволь надышался, аж подворачивает, – и Рыжего опять стошнило. – Пойду к фельдшеру, может, чем глаза закапает, пекут сильно. Что у них за газ такой едучий?

– Наверное, из-за кордона привезли. Видел, какие баллоны большие и струя метра на три бьет, не то, что наши пшикалки, – ответил Иван.

Журба, немного отдышавшись, заметил, что его зовет командир роты.

– Ну что, отошел? Тогда иди на правый фланг. Там наши вдоль блоков стоят, смотри, чтобы никто на эту сторону не перелез, – сказал ротный, внимательно наблюдая за толкучкой перед въездом в Кабмин.

Подойдя к стоявшим в шеренге бойцам «Беркута», Иван спросил:

– Тишина?

– У нас тихо, а на въезде страсти кипят. Пять минут назад провели бойца, ключицу сломали. Выломали шлагбаум и им как тараном пытались пробить шеренгу, наши отобрали. Не понятно, зачем им в Кабмин надо, там никого уже нету, все через задний выход разбежались, – Серега Саркисов был рад поболтать.

– Им интересен сам процесс. Мы это уже в 2011 проходили, – ответил Иван.

К вечеру все начали успокаиваться. Сначала пропали боевики и понемножку стал расходиться более мирный контингент. Смена наверно закончилась? Осталось несколько человек с флагами «Свободы» – у этих, наверное, посуточная вахта. Перед Кабмином валялись кучи мусора. Ветер раздувал бумажки, под ногами хрустело стекло. Склон напротив въезда вытоптали и от него по асфальту тянулись куски грязи. На стеле качался на ветру флаг Евросоюза, а рядом с ним обвис, запутавшись в тросах, украинский стяг. Серое здание Кабинета Министров было подсвечено снизу прожекторами и массивные серые колонны создавали впечатление нерушимости украинского правительства. Они грозно смотрели на букашек, суесящихся внизу, пытающихся решить свои сиюминутные проблемы, обрести чаянья и исполнить мечты и надежды.

Командир вышел из здания и дал команду:

– Командиры рот, стройте личный состав. Проверяйте людей и амуницию.

После докладов ротных колонна двинулась к автобусам. Иван зашел в автобус и стал укладывать спецсредства. Все были оживлены и обсуждали сегодняшние события.

– Ужинать будем? – спросил кто-то сзади.

– Да надо, а то пропадет то, что из дома брали. Жалко, – ответил Андрей Кольницкий.

– Я не буду, пацаны, меня сегодня газом накормили, что-то тошнит, – отказался Леха Каустович, он же Рыжий.

Невысокого роста, коренастый, уверенно стоящий на коротких, чуть кривоватых ногах, Леха Каустович своим телосложением был похож на небольшого французского бульдога. У него и хватка бульдожья, если схватит – уже не отпустит. Проходя отборочный спарринг в «Беркут», с противником своим он сцепился крепко, метелили друг друга от души, пока Каустович не ухитрился взять своего оппонента на удушающий, еле растащили, тот уже начал терять сознание. Кто-то из присутствующих бойцов сказал: «Ну, ты, „Рыжий“, просто зверь!», потрепав его по мокрой от пота огненно-рыжей шевелюре. И хотя сейчас Алексей постоянно бреется налысо, так и прилипло к нему «Рыжий». К спорту Леха относился с фанатичной преданностью. Для тренировок преград ему не было: дождь, снег или солнце – полтора часа в

день он отдавал спорту. Тягая гантели, эспандер, растягиваясь, он полностью растворялся в любимом занятии.

В автобус зашел фельдшер и поинтересовался:

– Больные есть?

Журба, часто моргая покрасневшими глазами, спросил:

– Есть глазные капли и от тошноты таблетки?

– Капель нет. Завтра обещали дать, промой водой хорошенько, а от тошноты возьми вот пачку угля и фталазол, – посоветовал фельдшер.

Раздав еще три пачки угля, медик ушел.

– Ген, пойдем, сольешь, я глаза промою, – позвал друга Иван.

Промыв глаза, которые печь уже перестало, но теперь резало и постоянно чесались, Иван поднялся в автобус и попытался устроиться поудобнее на своем месте. Достал телефон и набрал номер.

– Привет, мам. Как вы там? Как папа? Да у меня все в порядке. Одеваюсь тепло, и носки твои вязанные взял, поесть хватает. Берегу я себя, не переживай. Ладно, как там твое здоровье, да что ты вечно со своей дурацкой пословицей: «Как говно коровье». Я серьезно тебя спрашиваю. Что у папы, сердце не болит? Послушав еще минут пять маму и поговорив с отцом, Журба позвонил жене. Поговорив с женой и дочками и пожелав им спокойной ночи, попробовал устроиться на сиденье поудобнее.

– Игорек, можешь свет выключить? – спросил он у водителя. С задних сидений раздались возмущенные крики, что они еще спать не ложатся и свет им нужен.

– Тогда, Игорь, выруби хотя бы впереди, – попросил Иван.

Спереди свет погас, но гомон сзади не давал заснуть.

– Мужики, можно там потише? Люди уже спят, а то сейчас тоже спать ляжете! – предупредил недовольным голосом Журба.

Сегодня день как-то с утра не заладился. Впопыхах забыл надеть противогаз и когда пришли под Кабмин, пришлось бежать назад за противогазом в автобус. Возвращаясь назад, поскользнулся и чуть не упал на мокрых ступеньках. Глаза резало от вчерашнего газа, с утра еле открыл, веки опухли и покраснели. Вроде вчера и водой промыл, а сегодня еще хуже. Еще этот мелкий противный дождь шел уже несколько часов подряд, холодный ветер пытался вырвать у мокрого озябшего тела остатки тепла. Бушлат и свитер промокли и, прикасаясь к телу, вызывали неприятную мелкую дрожь, от которой начинали цокать зубы. Иван старался вжаться в стену здания Кабмина, где небольшой козырек прикрывал от дождя. Сегодня из-за дождя пыла у митингующих поубавилось, стоя под зонтиками, выкрикивали лозунги, но на шеренги мен-тов не лезли, предпочитая не мокнуть и не вымазываться в грязи. Но даже несмотря на спокойствие, «Беркут» не убирала, одно, что разрешили – стоять на ступенях Кабмина. Внутри не пускали, только в туалет. Все, кому хватало места, прижимаясь к стене, старались хоть немного укрыться от дождя, остальные мокли. Около двух разрешили половине бойцов зайти внутрь здания немного просохнуть. Командиры взводов построили бойцов и завели внутрь. Внутри было тепло и уютно. Правда, сидеть было негде, поэтому бойцы, подложив броники, садились на мраморные ступеньки и, облокотившись на перила, разморенные теплом, дремали. Иван позвонил жене:

– Да нет, все нормально, сидим в автобусах в резерве. Как кормят? Кормят нормально. В «дебчика» играем. Ну, все, давай, пока, наша очередь играть, – отмазался Иван. А сам, подложив под голову шапку, облокотился на мраморные перила и, вытянув ноги, постарался расслабиться и унять противную дрожь. «Как мало человеку нужно для счастья, – подумал Иван, – в автобусе так не растянешься, ночью раза три выходил на улицу размять затекшие ноги. Хорошо, дома взял маленькую подушечку под голову: „Старый воин – мудрый воин“, положил мешок со спецсредствами, на него подушечку и домашняя перина готова». Из задум-

чивости милиционера вывел женский голос. Подняв голову, он увидел женщину бальзаковского возраста в норковом полушубке и высоких черных ботфортах. Она стряхивала дождевые капли с зонта прямо на пол, с недовольным выражением лица обращаясь к седому мужчине лет пятидесяти, одетому в длинное кашемировое пальто, с портфелем в правой руке.

– Виктор Леонидович, ну что это такое, сидят на ступеньках, кто их сюда пускает?

– Любочка, пусть ребята погрелятся, это же наши защитники, притом, что выше первого этажа их не пускают, – успокоил он женщину, которая капризно кривила пухлые губки. И переключившись на другую тему, парочка зашла в приехавший лифт.

«Ну, спасибо, Виктор Леонидович, заступился, – подумал Иван. – Мы для них обслуживающий персонал, как дворник или уборщица, а может вообще, как собака во дворе, выше первого этажа не пускают. Да, поменялись люди». Иван вспомнил 2004 год, «Оранжевую революцию»: в администрации президента поддатый веселый начальник отдела предлагал «Хеннесси» отметить рождение внучки. От коньяка тогда отказались, но чаем он напоил, еще и печенья принес, хороший мужик, душевный, а сейчас?

– Выходим на улицу. Смена! – крикнул ротный. Все засуетились, стали одеваться. Выйдя на улицу опять под холодный дождик, Иван заметил, что людей перед Кабмином стало гораздо меньше, стоят, в основном, молча, иногда выкрикивая лозунги и речевки, вроде бы как смену отбывают.

– А где командир? – спросил Иван у ротного.

– Да их какой-то тип в гражданке собрал, – ответил ротный, – новые цэу раздает.

Через некоторое время пришел командир.

– Собирайте всех. Командиры рот пусть проверят и в автобус.

– Что-то он не в духе, – сказал ротный, – наверное, на верху опять чем-то недовольны.

В автобусе было сыро и холодно.

– Игорек, заведи возыка и печку на всю включи. Ты что, не мог натопить до нашего прихода? – спросил Иван.

– Откуда я знаю, когда вы придете. Позвонить надо было. Что соларку зря палить, – бурчал водитель. На верхних поручнях бойцы развешивали мокрые бушлаты и свитера, переобувались в тапочки, а мокрые берцы ставили к печке автобуса, места для всех не хватало, поэтому занимали очередь. В автобус зашел фельдшер и, стоя в дверях, спросил:

– Больные есть? О, вы уже по-домашнему, бельишко постирали и развесили.

– Я чувствую, заболеваю, есть спиртик для внутреннего растирания и сугрева? – поинтересовался Гена, стягивая мокрый свитер через голову.

– Спиритка нет, а чтоб согреться, иди с пацанами в прогресс, поиграй эспандером. Сразу согреешься, – не растерялся фельдшер.

– Ген, пойдем, сольешь мне, умоюсь. Балабол, – позвал Иван.

– Игорек, пожрать привозили?

– Да! Там в ящике картонном сухпай сзади стоит. Есть будем? – поинтересовался Игорь.

Иван разделся до пояса и на улице, громко фыркая, обмылся. Обтерся, натянул сухое белье. Зайдя в автобус, достал из чехла нож и стал нарезать сало, которое захватил из дома. В дверях показался командир второго взвода Григорий Иванов, суровый мужик с непререкаемым авторитетом, и сказал:

– Старшие автобусов к командиру.

Иванов был старожилом, помнил «Беркут», еще когда он только начинал формироваться, так сказать делал первые робкие шаги. В те далекие времена «Беркут» назывался ОМОН и создавался из сотрудников патрульно-постовой службы. Традиции только начинали формироваться, давая первые робкие ростки. Бывает, ему задают вопрос:

– Григорий Иванович, чего на пенсию не уходишь?

– А что я там делать буду, здесь я в коллективе, среди ребят, а там на печке лежать.

Иваныч в свои года еще спокойно мог на турнике несколько раз подъем-переворот сделать и в рукопашке некоторым молодым фору может дать.

– Григорий Иваныч, есть будешь, все свеженькое, домашнее? – спросил Гена.

– Да нет, там командира водитель поляну накрывает, – ответил он.

– Ну не дадут поесть. Вы нарежьте все, а я сейчас быстренько смотаюсь к командиру и подскочу, – сказал Иван, накладывая на хлеб сало. Подходя к машине командира, Журба постарался побыстрее дожевать бутерброд.

– Вроде бы все собрались? Вы с Григорий Иванычем, смотрю, не торопитесь, – обратил внимание командир на подошедших, – ну да ладно, разберемся.

– Сухпай у всех водители автобусов получили?

– Так точно! – раздалось нестройно со стороны старших автобусов.

– Сегодня опять ночуем в автобусах, ситуация напряженная, поэтому не расслабляемся, рации чтоб работали, разобрались, где одежду просушить? – спросил командир.

– Да. В автобусах поразвешивали, водилы печки на всю включили, – ответил за всех Иваныч.

– Больных много? – задал вопрос командир фельдшеру, открывая багажник своей машины.

– Фельдшер, иди, получи капли глазные, что ты просил, и бинты. Сегодня в госпитале МВД дали.

Фельдшер, укладывая медикаменты в мед сумку, ответил:

– Двое, что вчера газа нанюхались, и сегодня два человека с невысокой температурой. Я им таблеток дал, до завтра будут в строю.

– Понятно. Еще вопросы есть? Нет. Ну, тогда все занимаются своими делами, идите, ужинайте. Мы тоже немного перекусим, – улыбаясь в предвкушении ужина, командир, потер руки.

Иван пришел к автобусу как раз вовремя, стол уже был накрыт. Поужинав, вышли на улицу покурить, где опять взялись обсуждать политику и действия президента. Журба отошел ото всех и встал у парапетов, смотря на Киев. Надоели со своей политикой, переливают из пустого в порожнее. И почему людям спокойно не живется? Вечно хочется что-то поменять, неудовлетворенность и сразу появляются политики, как демоны искушения, они подогревают желания своими обещаниями и рассказами, что завтра будет лучше, чем вчера. Многие доверчивые граждане ведутся на эти хитрые посулы, даже не пытаясь анализировать, чем придется заплатить за свою наивность. Не зря дед говорил: «Дармовой сыр только в мышеловке». Деда своего Журба уважал. Дед прошел войну, под Харьковом попал в плен, бежал. В Польше был тяжело ранен. Служил честно, хотя никакими выдающимися наградами не отмечен. Все плен ему простить не могли. После войны в колхозе трактористом работал, дом отстроил, который фашисты разбомбили, когда деревню бомбили. Воспитал трех сыновей и дочь. Хотя уже пять лет как деда нет, Иван с любовью его вспоминал и считал его примером для подражания. Надо позвонить домой жене и дочкам да идти уже спать, думал Иван.

Журба проснулся от того, что его подбросило на сиденье и мешок со спецсредствами свалился на пол. Посмотрев в окно, заметил многоэтажки. Автобус подбрасывало на ямах. На улице серело, но день еще не наступил. Было видно одиноких прохожих, которые зябко кутались в свои курточки и пальтишки, а злой ветер резкими порывами пытался забраться им под одежду.

– Куда едем? – спросил он у Гены, который на другой стороне рассматривал Днепр и корабли у причала.

– Поселяться, где-то за Киевом, сказали, вроде в общежитии, – ответил Гена, не отрываясь от окна.

– Жвачка у кого-нибудь есть, зубы почистить? – поинтересовался Иван.

– На, – протянул полупустую пачку «Дирола» Андрей. Иван смотрел в окно, медленно пережевывая жвачку. Настроение было на нуле и стремилось упасть еще ниже, так хотелось набить кому-нибудь морду. Он понимал, командировка затягивалась. Когда в 90-х Иван пришел в «Беркут», немного поработал, понял – не все так просто, как он мечтал и представлял себе там за забором. Да, есть крутые задержания, преследования и погони, но есть и обратная сторона, когда нужно ездить по прокуратурам и раз за разом отписываться от многочисленных жалоб адвокатов тех, кого ты задерживал, а в прокуратуре, когда начинаешь что-то доказывать, тебе говорят, ехидно улыбаясь: «Знаем мы вас и как вы работаете». Многочасовое сидение в судах в ожидании судебного заседания, где судья пытается уличить тебя в неправомерных действиях, а потом от знакомых оперов узнаешь, что преступника выпустили, еще и извинились, а у тебя в душе остается горький осадок от даром понаделанной работы. Есть еще сидение в автобусах сутками, когда на улице жара за сорок, выходить нельзя, даже двери открыть нельзя. Ты сидишь в полной экипировке весь мокрый. У всех нормальных людей праздники, а у тебя самые горячие дни. Не раз приходилось встречать, стоя в цепи, весело смеющихся друзей, попивающих пиво и жующих чипсы, танцующих под музыку, льющуюся со сцены. А еще есть граждане, которые получают неземное блаженство, пытаясь унижить человека в форме и самоутвердиться, делая все наперекор. Иногда приходишь домой, и руки от нервов трясутся. Распланировать время дня на три нельзя, только куда-то собрался – звонок: «Давай в подразделение. Тревога!». Сколько раз жена говорила: «Бросай ты свою ментовку, у моего дядьки заместителем начальника охраны пойдешь, там в два раза больше зарплата и стабильный график, уже твои постоянные командировки надоели, дома не живешь». Иногда закрадывались сомнения, и думал, а может ну его все, пойти на гражданку, буду два раза в неделю в бассейн ходить, по выходным на природу с семьей выезжать, рыбалка. Тихе життя. И каждый раз отвечал жене, кто-то должен и эту работу делать, если все ассенизаторы пойдут в пекарни, то пекари в дерьме утонут. За что работаешь? А кто его знает? На деньги, что получаешь, сильно не разгуляешься, но и с голода не помрешь. Неоднократно приглашали и коммерса охранять на гражданке, но не мое это, и из ГАИ звали, не могу, как они работать. Правильно дед говорил: «Только та работа твоя, которая удовлетворение приносит. Придешь после работы домой, а на душе соловей поет, значит, не зря день прожил». Зашел в спортзал, грушу помесил, вроде легче стало. После задержания с пацанами пиво с рыбкой взяли, посидели, поболтали. Догнали преступника, который у старушки сумку с пенсией вырвал, вернули, а у нее слезы радости текут, и спасибо вам говорит. Заложников освободили, выводишь, они за тебя схватились как утопающий за соломинку, в глазах слезы и благодарность. Приезжаешь на вызов, групповая драка, райотдел тебя встречает словами: «Ну вот, наши птицы приехали, сейчас наведут порядок». Наверное, за такие вот моменты и работаешь, а может и...

– Вань, ты идешь или так и будешь в окно пялиться! Уже приехали. Пошли поселяться, спецсредства в автобусе оставляем, – отвлек от раздумий Серега. Иван взял свою сумку и вышел на улицу, посмотрел на старое четырехэтажное здание перед собой. Скамейка перед облупившимися, давно некрашеными дверями была поломана. На клумбе валялись пустые пластиковые бутылки и обертки. Зайдя внутрь, милиционер услышал голос пожилой женщины, которая стояла за стойкой администратора.

– Ваш этаж третий, в номер по три человека, туалет на этаже, душ в подвале, подходим за ключами.

Иван, постояв в очереди, взял огромную деревянную грушу, на которой висел ключ и, отойдя в сторону, позвал:

- Ген, пойдешь в комнату ко мне?
- Пойду, у тебя балкон есть? – ответил Гена.
- вроде есть, – с неуверенностью в голосе откликнулся Журба.
- Ладно, давай ключ.

– Держи, бери Андрея и поднимайтесь, 310 комната.

Бойцы зашли в комнату и осмотрелись: в коридорчике к стене прикручена железная вешалка, стены окрашены грязно-голубой краской, шелушащейся по углам. В комнате стояли три стареньких кровати, стол, две тумбочки, шкаф, который помнил еще Брежнева, и четыре стула. Гена поставил сумку на кровать возле окна и сказал:

– Моя тумбочка та, что без дверки. От балконной двери дует, надо взять у администратора старое одеяло завесить.

Иван поставил сумку возле кровати, стоящей напротив выхода, и стал раздеваться. В воздухе висел запах сырости и плесени. Было видно, что здесь давно уже не жили. Андрей сел на оставшуюся кровать и, окинув взглядом весь номер, вынес вердикт:

– Да, не люкс, сразу видно. Сейчас балкон открою, немного проветрю. Ботинки вместе с носками в коридор выставляйте, а то мы в комнате задохнемся. В душ сейчас бесполезно идти, там очередь. Жалко, телевизора нет. Я видел, в конце коридора стоит там, напротив дивана.

Иван разделся до пояса, надел тапки, взял мыльницу, полотенце и грязные носки, сказал:

– Пойду в туалете под рукомойником ополоснусь и носки простирну.

Настроение после того, как помылся, улучшилось и, развесив мокрые носки на батарее, Журба достал кулек из сумки и стал доставать из него еду, расставляя на столе.

– Давайте поедим, а то зверский аппетит проснулся, – обратился он к соседям по комнате.

После того, как поели, Иван достал из сумки вещи, развесил их на спинке стула и расставил в тумбочке, стал стелить кровать. Белье было старенькое, застиранное, но чистое и не рваное.

– У меня какая-то проволока через всю кровать, будет давить, – пожаловался Гена.

– Пойди у администраторши матрац возьми и заодно штуки три тремпеля попросишь, вон в стену гвоздики вбиты, повесим шмотки, – посоветовал Журба.

Из коридора позвали:

– Журба, к командиру зайди, он в 214 комнате на втором этаже.

– Ща иду, – крикнул милиционер.

– Разрешите? – спросил Иван, открывая дверь 214 комнаты.

– Заходи, – сказал командир. – Все собрались? Кого еще нет? Василек здесь?

– Здесь! – ответил зам командира первой роты Васильков. Они с командиром не ладили. Васильков Владислав Васильевич по своему характеру был тихий, спокойный, но что не нравилось командиру – медлительный, поэтому капитан постоянно опаздывал на совещания, да и с милиционерами был мягок, всегда становился на их защиту. Командир всегда ему говорил: «Нужно тебе, Владислав Васильевич, в адвокаты идти, потенциал у тебя большой».

– Ну, если и Владислав Васильевич здесь, тогда все в сборе, – немного смутившись, командир назвал Василькова по имени отчеству.

– Все расселились? Места хватило? Сейчас старшие обойдите комнаты и перепишите себе, кто где живет. Посмотрите, как устроились. Командировка немного затягивается, но сами видели какая ситуация. Я сегодня был в Управлении, пока скажите людям, продлили до 29 ноября, если все будет спокойно, поедem домой, но сильно не обнадеживайте. Я выдам старшим автобусов деньги, командировочные раздадите людям, пусть в ведомости распишутся. Еще, Григорий Иванович, выдайте на автобус по пять паков воды и ящик тушенки, что из подразделения брали. Есть еще вопросы? – спросил командир.

– Товарищ полковник, народ интересуется, в магазин сходить можно?

– Пусть сходят, только в гражданке, видели, как народ к ментам относится, и не больше двух человек из автобуса. Пусть идут группой, человека по четыре. Спиртного не брать под вашу ответственность, офицеры. Скажите милиционерам, если у кого-то колетса, чешется, фельдшер в 301 комнате. Все, всем отдыхать, по территории не шляться, чтобы меньше видели. Завтра в девять выезд, проверяйте личный состав.

Журба вышел из 214 комнаты и сразу возле лестницы его ждал Игорь Одас.

– Сказали, можно в магазин смотаться? – спросил он.

– Да. По два человека из автобуса, – уточнил Журба. – Ты нашел с кем пойдешь? Игорь кивнул.

– Зайди к Григорию Ивановичу, получишь у него на наш автобус пять паков воды и ящик тушенки, поставишь все сзади в автобусе. Ты с Рыжим идешь? Вон он стоит на лестнице между этажами. Леха, иди сюда! Ты не узнавал у наших, кому еще что-то надо в магазине? Ну, так узнай, на двадцатку мне печенья купишь.

– Какого?

– Возьми к чаю, не кривись, всех в магазин командир не пускает.

Зайдя в комнату, Иван завалился на кровать и, достав телефон, начал обзванивать своих, делая пометки у себя в списке, кто в какой комнате живет, заодно предупреждая, что завтра в девять построение возле автобусов. Потом взял книгу и попытался сосредоточиться на чтении, но в голову лезли посторонние мысли. У младшей дочери сапоги в прошлую зиму порвались. Обещал жене съездить купить, но до командировки так времени и не нашел. Нужно сказать, пусть заедет к Лере на секунд, у нее там бывают хорошие вещи. В кухне обоина на потолке отклеилась, приеду, нужно подклеить, а может все переклеить, уже пять лет обои, что-то нужно и менять, не забыть завтра с женой посоветоваться, ее как раз это отвлечет от переживаний. Скажу, пусть на базар съездит, посмотрит, выберет новые обои, заодно и развеется, отвлечется от дурных мыслей.

– Из магазина пришли без происшествий! Воду и тушенку в автобус поставил! – в комнату заглянул Одас со своей неизменной счастливой улыбкой. Засунув руку в большущий пакет, вытянул кулек с печеньем.

– Лови! – бросил печенье Ивану. – Заходить не буду, берцы грязные, натопчу вам в квартире.

– Спасибо! – Иван, лежа на кровати, поймал кулек. – Бухла не брали, а то рожа довольная?

– Обижаешь, начальник, – Игорек закрыл двери.

Утром Иван стоял в строю вместе со всеми. Сырость заползала под бушлат и китель, тело, которое еще не отошло от сна, пробивала мелкая дрожь. С утра был туман и в воздухе висела мокрая взвесь, оседающая капельками на всем, что не впитывало воду. Рядом стоял Ахтыркин, на рукаве у него был нашит старый еще резиновый шеврон «Беркута». Осевшие капли тумана скатывались с него, казалось, что птица плачет. Стоять на улице было неприятно, и каждый думал, поскорей бы в автобус. Перед строем вышел Олег Викторович, замкомбата.

– Все в строю? Сейчас разойдись! Завтракать, а в одиннадцать построение, комбат с совещания приедет, может новости какие привезет. В магазин ходить так, как и вчера, по несколько человек.

Журба зашел в номер, где Андрей сидел на кровати и ковырялся в своей сумке, выкладывая на одеяло вещи.

– Да где же ты ее положила?

– Что ищем? – спросил Иван.

– Да нитку с иголкой, где-то жена положила. Не могу найти. Вчера бушлат зацепил, нужно зашить рукав.

– И мне дашь, как найдешь, а то у меня мотня порвалась, когда возле Кабмина через гранитные плиты перелазили, не сильно, но может дальше разлезться.

Иван уже дошивал штаны, когда на телефон позвонил Васильков.

– Да, Василичъ?

– Оповести своих, выходите строиться, командир приехал, внизу ждет. Давайте побыстрее, – посоветовал замкомандира роты.

Журба повернулся к Кольницкому.

– Андрюх, не в службу, а в дружбу, звякни нашим, пусть побыстрее выходят строиться, а я штаны пока дошью.

– Хорошо, позвоню, – ответил Андрей, беря телефон из тумбочки и отключая зарядку.

– Вот блин, батарея почти пустая, сейчас если куда-то ехать, без трубы останусь.

– Ничего, – сказал Иван, откусывая нитку, – если позвонить, я тебе свой дам.

Надев только что зашитые штаны, Иван накинул сверху бушлат и в тапочках пошел вниз.

Построение было неофициальное, поэтому разрешили становиться в строй в гражданке. Народ гомонил, разговаривая между собой в строю. Командир стоял около багажника служебной машины, придерживая его, а водитель что-то доставал из багажника и складывал в картонный коробок.

– Одас, иди сюда, – позвал командир. Из строя выскочил Одас в черных резиновых сланцах на босую ногу и поспешил к машине. Перескакивая лужу, Игорек поскользнулся и, чуть не упав, правым тапком зачерпнул холодной воды.

– Вот б. ть, – воскликнул он.

– Осторожней Игорек, а то еще шею сломаешь, – предостерег бойца Григорий Иванович. Командир поставил задачу подошедшему милиционеру, сам подошел к строю. Все разговоры сразу стихли, милиционеры подтянулись, внимательно слушая, что им скажут.

– Я только что из главка, в правительственном квартале ситуация спокойная, потому нас сегодня не трогают.

По строю прошел гомон.

– Но это не значит, – командир повысил голос, – что должен быть разброд и шатание. Все находятся в расположении, без моей команды никто никуда не ходит. Сейчас договорились, здесь недалеко в столовой будет обед. Только в столовую в шортах, трусах и тапочках приходить не надо. И в душ в трусах или обмотанным полотенцем возле стойки дежурной ходить не надо, а то у нее сердечный приступ будет. Да, Ахтыркин? – Командир выразительно глянул на Мишу. Миша, смутившись, опустил глаза.

– В душ ходите через запасной выход. Вы здесь не одни живете. Ладно, я там колбасы, хлеба и кетчупа с майонезом привез, у водителя старшие получают. Вечером старшим доведу, во сколько завтра выезжаем. Все разоидись, а то еще поболеее, некому будет на службу выходить, – закончил свою речь командир.

Зайдя в холл, возле старого журнального столика, на котором стоял полузасохший фикус, Иван увидел друзей, которые между собой что-то обсуждали.

– Вань, ты в баню с нами пойдешь?

– Какая баня? Командир сказал, находиться всем на местах. А если сбор? Голыми, в листьях от веника побежите, – возразил Иван.

– Мы Барсука с собой позвали, он уже к Силенкову пошел, еще его позовет, думаю, командир отпустит, – раскрыл карты Каустович.

– Ну, ты, Рыжий, молодец, – похвалил Леху Иван, – все продумал. Ты случайно не у Остапа Бендера учился?

– Не, – улыбаясь, ответил Леха, – ты ведь знаешь. Мы юские дюг дюга не обманываем.

Журба засмеялся:

– Ну, если командир даст добро, то пойду. По сколько денег?

– Нас шестеро идет, по полтинничку с носа, это с вениками и простынями на два часа. Баня в пятнадцати минутах ходьбы. А ну подожди, Барсук звонит, – сказал Андрей Кольницкий, доставая из кармана телефон.

– Да, Константин Викторович, все в ажуре, а Олег Викторович идет? Хорошо, понял, да какие бабы, чисто мужским коллективом. Хорошо, я пацанам скажу.

Андрей отключил телефон.

– Командир разрешил на пару часиков. Барсук сказал, через десять минут с мыльнорыльными на выходе.

В парилке, где сидели мужики, обливаясь потом, витал аромат дубовых листьев и эвкалипта, на потолке тускло горела лампочка.

– Хорошая банька, – похвалил Барсуков.

– Ага, – согласился с ним Леха, – мы как-то в командировке были в начале декабря, там баня из строительного вагончика переделана и стоит прямо на берегу водохранилища. Выскакиваешь и сразу в полынью. Я в полынью прыгнул, ну думал по пояс, а там глубина мне по подбородок, сердце чуть через рот не вылетело. Зато назад, когда забегаешь, жара в парилке вообще не чувствуешь.

– Да, банька хорошая, я всегда как к отцу в деревню зимой приезжаю, – неторопливо начал рассказывать Олег Викторович, – мы баньку топим. Она у нас за двором стоит в саду, рубленая, еще дед строил. Они с бабкой как со Смоленской губернии переехали, так дед первым делом баню срубил, а потом дом строить стал. Деда уже нет и дом старый батя завалил, новый построил, а баня дедова еще стоит.

– Все, я выхожу, уже не могу сидеть, уши печет, – заявил Иван, прикрывая уши руками и выскакивая из парилки. В предбаннике за столом сидели Одас и Андрей, попивая чай.

– Молодец ты, Вань, чая заварил.

– Садись, я сейчас допью, – сказал Одас, – и тебе кружку дам.

– Как жар в парилке?

– Хорош, – ответил Иван, присаживаясь за стол.

– Андрюха, ты с собой шашки не брал?

– Обижаешь. – Андрей достал из свернутого полотенца дорожные шашки-шахматы.

– Сыграем?

– Классно. – Одас вытянул ноги на кресле. – Вот это служба, всегда бы так, я бы, наверное, до самой смерти служил бы.

– Ну да, плохое быстро забывается, два дня назад до рычажки газ нюхали, аж глаза на лоб вылезали, а часок в баньке попарились и жизнь удалась. Уже и майдановцев расцеловал бы, – подначивал Одаса, дую на парующий чай Андрей.

– Да шо я, дурак? – возмутился Игорек.

– Ладно, давайте за что-нибудь другое поговорим, этот майдан уже надоел, – вмешался в разговор Журба, расставляя шашки на доске.

После бани Ивана разморило, во всем теле чувствовалась приятная расслабленность. Придя в комнату, завалился на кровать.

– Тут твой телефон разрывался, – заметил Гена. Иван взял телефон – пять неотвеченных: три от жены, один от брата и товарищ из Одесского «Беркута» звонил. Разговаривать ни с кем не хотелось, клонило в сон. Иван набрал телефон жены:

– Привет, любимая. Трубку не брал, ходили с пацанами в баньку, сегодня у нас выходной, нет, как ты могла такое подумать, я ведь сплошь положительный. Верность мое второе имя. – Иван, пребывая в благодушном настроении, пытался избежать ссоры, но жена явно была чем-то расстроена. – Почему я вру постоянно? – удивился Журба.

– Что с женой Гены разговаривала, она сказала, что вас газом травили.

Иван повернулся к другу и, состроив страшную рожу, покрутил пальцем у виска.

– Да там немного Гене попало, а он уже, чтобы героем выглядеть, раздул историю, ему надо сказки писать – Андерсен. Я берегу твои нервы, – и, пытаясь перевести тему, спросил, – ты лучше Расскажи, что дома новенького, как там дочки?

Поговорив по телефону, Иван повернулся к товарищу:

– Находько, ты что, дурак? Все, что здесь происходит, жене рассказываешь, ты хотя бы если свою не бережешь, подумал, что она моей все расскажет. Они же сейчас по двадцать раз на день созваниваются. Я теперь брехуном выгляжу.

– Вань, я не хотел ей ничего рассказывать, – стал оправдываться Гена, – она говорит, по телеку смотрели, как вас газом травили, ну я ей ситуацию и обрисовал.

– Обрисовал, – перекинул Иван друга, – как всегда, наверное, героически держал оборону до подхода основных сил, а мы все тебе патроны подносили.

– Вань, ну что ты начинаешь, – обиделся друг.

– Ладно, – после бани, несмотря ни на что, настроение оставалось благодушным, – я немного подремлю, когда ужинать будете, разбудишь.

Проснулся Иван от грохота за окном. Вскочив с кровати, подошел к окну. На улице под ярким светом фонаря старый, облезлый мусоровоз, громко рыча, манипулятором поднимал мусорные баки и, рассыпая по сторонам машины, высыпал внутрь кузова мусор. Назад он их не опускал, а просто ронял на полдороге к земле. Звукоизоляции никакой, – подумал Иван, посмотрев на старые, еще совдеповские окна. Дома он уже давно поставил пластиковые с тройным стеклопакетом. Взглянул на часы в телефоне, пять сорок пять. Ого, немного поспал! Это меня хорошо после баньки разморило. На кроватях, мирно посапывая, дрыхли соседи по комнате. Сильно хотелось есть. Вот Гена гад, просил же на ужин разбудить – думал Иван, ковыряясь в сумке. Он достал банку тушенки и, открыв ее ножом, взял со стола два куса черствого хлеба, стал есть. Поев, бросил пустую банку в кулек с мусором. Надо утром вынести. Спать уже не хотелось. Иван вышел в коридор, вокруг была тишина, только в предбаннике кто-то разговаривал. Пройдя по коридору в предбанник, где стоял телевизор, Иван увидел: на диване мирно, в позе эмбриона, повернувшись спиной к телевизору, посапывал Саркисов, перед ним ведущая пятого канала распиналась, рисуя радужные картины от подписания Януковичем ассоциации с ЕС сегодня в Вильнюсе на саммите «Восточное партнерство». Журба поднял с пола старенький, затертый пульт, подвинул ноги Саркиса, сел на диван. Поклацав по каналам, нашел какой-то старый фильм и, устроившись поудобнее, попытался вникнуть в суть сюжета, но в голову лезли совсем другие мысли. Вчера позвонил товарищ, розыскник из райотдела, тоже, говорит, постоянно на площадях, некогда работой заниматься, только майдановцев пасут. Вот народ, сам не работает и другим не дает. После фильма на экран выперся какой-то политолог с козлиной бородкой и начал рассуждать, что выиграет Украина от членства в ЕС. Иван вспомнил, как пару месяцев назад на посту гаишник остановил литовскую машину. Водитель гоняет машины в Россию под заказ, он не высказывал радости от вступления Литвы в Евросоюз. Так незаметно в думах пролетело время, по коридору стали снова сонные пацаны в трусах, кто с зубной щеткой, кто с полотенцем побежал помыться. Иван встал и пошел собираться. Зайдя в комнату, увидел, что соседи по комнате еще даже и не собирались вставать.

– А ну подъем! Хватит дрыхнуть, сурки! – крикнул он. Андрей сразу открыл глаза и сонным голосом спросил:

– Сколько времени?

– Семь десять, – просветил Иван. Из-под одеяла с кровати, где спал Гена, раздался голос:

– Еще спокойно можно пятнадцать минуток поспать.

Журба стянул с Гены одеяло и, взяв щетку, пошел чистить зубы. В дверях повернулся:

– Спасибо, что вчера на ужин разбудил, как я просил. – И уже в коридоре услышал голос

Гены:

– Я тебя будил, а ты сказал, чтобы отвалил, ты спать хочешь.

В автобусе Иван увидел заспанного Саркиса.

– Серега, ты и во сне впитываешь информацию, правда, тем местом, на котором люди в основном сидят, – подколот его Журба. Весь автобус заржал.

– У него там третий глаз спрятан, – продолжая смеяться, внес свою лепту в шутку Рыжий.

– Или антенна, – повернув голову, из-за руля выкрикнул Одаc.

– Игорек, хватит зубы сушить, ты лучше за дорогой смотри, а то сейчас въедешь в зад кому-нибудь, тебе командир такую антеннку вставит, мало не покажется, – сделал замечание Гена.

– Да еще никого нет, столица поздно встает, дорога пустая, – отмазался Игорь.

– А мы сегодня не той дорогой едем. Мы не на Кабмин? – спросил Иван.

– Нет, сегодня поближе к майдану стоять будем, – сказал Гена.

– Я сегодня, когда выходил, слышал, как командир Олегу Викторовичу сказал, чтобы ехали и стали перед Европейской площадью и там его ждали, он подъедет, покажет, куда ехать дальше.

Около десяти часов автобусы поехали за машиной командира и, поднявшись наверх, остановились недалеко от выхода из метро «Хрещатик». Водитель командира вышел из машины и зашел в ворота старой заброшенной стройки, на противоположной стороне. Через несколько минут ворота открылись, и автобусы стали въезжать внутрь. Въезд был узкий, поэтому водители заезжали аккуратно, чтобы не зацепить ворота, и выстраивались возле старого, осыпающегося котлована, паркуя автобусы впритык друг к другу. Иван вышел из автобуса и помогал Одасу припарковаться так, чтобы не задеть старые бетонные блоки на краю котлована. Вокруг них торчали толстые сухие стебли бурьяна, можно было поцарапать автобус. Журба отбросил в сторону сухую ветку и ногой примял будяки, обозначив край плит. Игорек ловко припарковал автобус. Иван осмотрелся, стройка была старая, но не заброшенная. Двери на старом, вросшем в землю вагончике, были открыты, и возле них стоял сторож, мужчина средних лет, с усталым безразличием следя за происходящим. В сухом бурьяне, прижавшись к строительному вагончику, стояла поломанная собачья будка, в которой уже давно никто не жил. В нее были напиханы картонные коробки и грязная клеенка. Забор от Институтской стоял хороший, из оцинкованных листов, а с тыльной стороны стройки сбитый из чего попало, из досок, жестяных и фанерных листов. Кое-где в нем светились дырки, к которым вели протоптанные в сухой траве тропинки, в углу лежала куча мусора из старых грязных бутылок, ржавых консервных банок и яркой целлофановой упаковки. Остатки снега под забором были желтого цвета, судя по всему, сюда частенько заскакивали справить нужду.

– Тут нас еще не было, – подумал вслух Журба. Он подошел к осыпающемуся котловану, ботинком отбил край и смотрел, как сырая земля комками вперемешку с прошлогодней травой сползла в низ.

– Что груstim? – почти над самым ухом раздался голос командира первой роты. От неожиданности Иван вздрогнул и выпал из задумчивости.

– Да просто интересно, ты как думаешь, Сергей Васильевич, это что-то строили или какие-то исторические раскопки? – ответил боец.

– Да, вопрос конечно интересный, но тут и думать нечего – стройка, – заулыбался Железняк. – До 2007 здесь стояло старое нежилое здание, потом городская власть отдала землю строительной фирме, которая клялась и божилась, что до 2009 года построит музей истории Киева и гостиничный комплекс. Вот ты теперь стоишь и смотришь на музей Киева. Фантом, как и многое другое в этом городе.

Иван с удивлением посмотрел на Железняка.

– Ну, ты и даешь, Сергей Васильевич! Прямо википедия ходячая, у тебя что, в голове вай-фай установлен, прямой выход в интернет? Я смотрю, ты не только на турнике склепку и офицерский выход можешь сделать. Откуда тебе все это известно? Это не ты директор строительной фирмы, которой землю отдали? – засмеялся Иван.

– Да нет, – улыбнулся Железняк. – Ты же знаешь, я коллекционирую разные вещи времен Великой Отечественной войны, форму, ордена, медали. Люблю историю, иногда с мужиками на выходных ездим покопать по местам боев. Вот на сутках недели три назад был, ночью

скучно, не спится. Сидел в интернете, по разным историческим сайтам лазил, высветилась заметка про эту стройку, какой-то архитектор писал, что эта стройка может повредить фундамент Октябрьского дворца, он у нас за спиной стоит.

Иван повернул голову и с любопытством взглянул на здание за спиной.

– Могут пойти трещины, – продолжал рассказывать Сергей Васильевич, – и разрушится памятник истории. Я и не думал, что когда-нибудь все это вживую увижу.

– А этот Октябрьский дворец тоже старой постройки? – спросил подошедший с еще несколькими бойцами во время разговора Миша Ахтыркин.

– Это памятник архитектуры, построен в 1842 году и строился он четыре года с 1838, – просветил присутствующих Железняк.

– До революции в нем был Институт благородных девиц, а после 1917 года «благородные девицы» стали не нужны, его отремонтировали и взяли себе коммунальщики. В 1934 году, когда Киев стал столицей УССР, бывшее помещение Института благородных девиц облюбовал для себя НКВД. Отсюда многие в годы Большого террора уехали в сибирские лагеря, в безымянные могилы на Лукьяновском кладбище. После прихода фашистов сгорела большая часть Киева, вместе с ней и это здание, рухнули все перекрытия, обвалилась тыльная стена. Через несколько лет после освобождения столицы Украины группа архитекторов восстановила здание. В честь Октябрьской революции его называли Октябрьский дворец культуры.

– Ну, вы, Василич, прямо как учитель истории рассказываете, заслушаться можно, – восхитился Миша Ахтыркин.

– Вам надо в школе историю преподавать, так даты хорошо запоминаете, а я как-то числа не очень, зато лица хорошо запоминаю, – похвастался пришедший вместе с Мишей Коля Линенко.

– Ага, особенно кому денег должен, – толкнул в плечо Николая Одас, – или кому я должен, всем прощаю.

– Да отдам я тебе долг, что об этом постоянно напоминать, – набылся сразу Линенко.

– Хватит вам собачиться, пойдемте лучше в дебчика перекинемся, – прервал всех Иван.

– Миша, будешь со мной в паре.

– О, и я играю! – присоединился Игорь.

– Одас, а пара есть? – спросил Лапатый.

– Есть.

– Морячок, ты дебчик будешь? – спросил Одас.

– Буду, – сразу поддержал Линенко.

– Подожди, может Сергей Васильевич будет играть, – разбил надежды Одаса Иван.

– Нет, Вань, я в карты не играю, пойду лучше во второй автобус, они с собой телевизор привезли, новости может будут, – отказался Железняк.

За игрой время пролетело незаметно и когда вышли на улицу размять затекшие ноги и покурить, уже начало сереть. Иван заметил, что возле автобусов почти никого нет. Заглянул в соседний автобус, людей было непривычно мало. Он подошел к водителям, которые копались в промасленных внутренностях автобуса, при этом о чем-то оживленно споря.

– Карась, ты не знаешь, где все пропали?

Но милиционер, увлеченный спором, не слышал его.

– Карасев! Димон! – повысил Иван голос.

– Ну шо? – спросил раздраженный Карасев с раскрасневшимся лицом. – А, это ты, Вань. Что случилось? – уже более спокойно поинтересовался он.

– Ты не знаешь, где все пропали? – повторил свой вопрос Журба.

– А-а. Вон там, в Кинопалаце, – указал Карасев грязной промасленной рукой в сторону стоящего рядом со стройкой здания.

– А кто разрешил? – озадаченно поинтересовался Иван.

– Кто? Кто? Командир, конечно, не сами же они туда пошли, – ответил Карась и, повернувшись к остальным водителям, продолжил спор. – Сейчас натяжной ролик подтяну, и зарядка опять пойдет.

Иван не стал слушать, про что спорят карданы, как любя водителей называли в подразделении, подошел к Мише, который курил, стоя между автобусами.

– Слышал, наши уже в Кинопалаце, – обратился к другу Иван.

– Ага! Они там договорились, их бесплатно на сеансы пускают. Саркис говорил, там жарко, можно в кителе сидеть, и кресла мягкие, спать удобно. Ладно, пошли, доиграем партию, Игорек с Колей уже ждут, – открывая дери, позвал Миша. Вслед за товарищем Иван залез в автобус. Сзади, где сидели игроки, горел свет. Игорек уже тасовал колоду.

– Ну что, продолжим?

– Сдавай, – поддержал друга Миша.

Часа через полтора в автобус, громко обсуждая фильм, ввалилась толпа. Саркисов с разбегу налетел на стол, сложенный из броников.

– Аккуратнее! Под ноги смотри, Серега, – поздно предупредил Лапатый, прямо из-под ног забирая карты.

– Ой! Извините, – ответил Сергей.

– Извините, – передразнил Иван. – Вы откуда такие красивые нарисовались? – поинтересовался он.

– Из Кинопалаца. Он уже закрылся. Фильм про пиратов какой-то смотрели, правда, я через десять минут уже дрых. Кресла мягкие, удобные, класс, – с восхищением рассказывал Андрей Кольницкий.

– Мы договорились, нас на передние места бесплатно пропускают, если посетителей не много. Завтра в десять открывается, можно сходить, – поддержал друга Гена Находько. От передней двери раздался крик:

– Игорек?! А какой тут кнопкой свет спереди в салоне включить? – спросил Бодренко Семен, перегнувшись в кабину водителя и внимательно рассматривая кнопки на приборной панели.

– Не лезь туда! – сразу вскочил с места Одас. – У себя в автобусе будешь кнопки нажимать! Ты понажимаешь, а мне тогда целую ночь чинить. Двери закрывайте. Соляры нет, топить нечем, – обернулся он к Находько, который еще не успел зайти внутрь.

– Успокойся, Игорек, не нервничай, нервные клетки не восстанавливаются. Иди сам тогда включи, – примирительно сказал Семен.

Бодренко Семен в подразделении занимал штатную должность психолога. Правда, в психологии он разбирался как слесарь в балете, то есть поверхностно. Бумажную работу в управу сдавал: отчеты, контроли, опросы – и психологический отдел УВД всегда был на хорошем счету. Когда приезжал начальник психологов, всегда Семена встречал словами:

– Ну что, Семен, работа бодренько идет? Молодец Бодренко, у тебя и фамилия соответствующая, оправдываешь.

Ну а когда возникала практическая необходимость в его психологической работе, Семен говорил:

– Сейчас возьму помощника психолога и будем работать.

При этом доставал «Немиров с перцем» и лимончик. Как правило, после таких бесед психоэмоциональное состояние у больного значительно улучшалось. Правда на другой день могла болеть голова, но это были побочные эффекты работы. Если в психологии Семен был не специалист, то в стрельбе из автомата мало кто в подразделении мог с ним поспорить. Он мог стрелять и с левого плеча, и с правого, отлично попадал и от бедра.

– Там справа две кнопки красные, нажми ту, что правее, – сдался, в конце концов, Одас, – только не долго, а то аккумулятор сядет.

После окончания игры Иван вышел на улицу, где позвонил маме и поговорил несколько минут, узнав, что у них все хорошо. Зашел в автобус, на передних сидениях играли в карты.

– Вань, на вылет будешь? Мы уже доигрываем, можешь вместо меня сесть, – пригласил Одас, который уже раздавал карты в паре с Семеном.

– Нет, они потом ночью будут сниться. Лучше книжку почитаю, – ответил Иван.

Утром Журба вышел на улицу. Почистив зубы и ополоснув лицо из полуторалитровой бутылки, которая всегда лежала за водительским сидением у Одаса, Иван сделал небольшую зарядку и, став на кулаки, пятьдесят раз отжался. Резво вскочив, немного попрыгал, меняя стойки, и почувствовал приятное тепло разогретого тела. Сегодня он встал поздно, сквозь сон слышал, как бродили и переговаривались между собой уже проснувшиеся товарищи, но просыпаться не хотелось. С вечера долго не мог заснуть, мешали игроки. Одас, хотя и шепотом, но довольно эмоционально высказывался, когда Семен неправильно ходил. Сделал несколько наклонов и с удовольствием почувствовал – спина почти не болела. Начиная привыкать жить в автобусе, по приезде домой придется автобусное кресло ставить вместо кровати – подумал с иронией Иван. Посмотрев, как бойцы разогревают тушенку на спиртовках, прикрывая их от ветра и мелко морозящего дождя, пристраивают кружки, чтобы вскипятить чай, Иван вспомнил другую зиму 2004 года, Оранжевую революцию. Тогда сидели в старых «Икарусах», охраняя телевышку, а застывшую тушенку грели на костре. Ходили собирали мелкие веточки, сухую траву и, поставив банку на кирпичи, под ней разводили костерок. В железной банке из-под тушенки по очереди кипятили чай из веточек дикой малины, которые наломали недалеко от стоянки, и, перелив в чашку, по очереди сербали, обжигая язык и губы. Чай пах жарким летом и дымом. Сейчас уже цивилизация, может скоро, как в Европе, будут выдавать сухпай в самоподогревающихся пакетах. Это навряд ли.

– Эй, робинзоны! От автобусов подальше отойдите, а то еще пожар здесь устроите. Журба, ты что на все это смотришь, сделал бы замечание им, или хочешь домой пешком идти? – высказывал командир. Пока Иван провалился в воспоминания, сзади тихо подошел полковник.

– Никак нет, я им сказал, чтобы аккуратно разогревали. Они на сухом спирту, он пожаробезопасный, – выкрутился Иван. Командир строго взглянул на бойца:

– Скажи, пусть к плитам отойдут, подальше от автобусов. Обойди автобусы, скажи, через два часа все на местах, в броне, защиту пока можно не надевать. Ждут моей команды. Я уехал в главк вместе с замом.

Иван видел, командир вернулся в хорошем расположении духа. Дождавшись, пока быстро закроют ворота стройки, чтобы было поменьше любопытных глаз и ушей, полковник собрал около себя бойцов и офицеров, которые стояли на улице, несмотря, что шел мокрый снег. Посмотрел на собравшихся и с веселой улыбкой сказал:

– В главке сказали, если все спокойно, то завтра домой поедem. Так что звоните женам, пусть праздничный ужин готовят.

– Одесситы уже сегодня уезжают домой, а нас как всегда до завтра держат, – расстроенным голосом высказался Карась.

– Не дохни, Карасев, – с иронией вступил в разговор Барсуков. – Тебе, значит, больше доверяют, так сказать надежа и опора.

– Опора? Затычка в каждой дырке, – бубнил Карась, идя к своему автобусу.

– Как мессера завалить, так это мы, а как звания, ордена, медали – так извините, не хватило, – продолжал возмущаться боец.

– Приедem из Киева, будут и звания, и медали, ко дню милиции не обидят, думаю, – успокоил обрадованных милиционеров полковник.

Часа через два стало темнеть. Иван сидел в автобусе и, не обращая внимания на громко гудящую печку, смотрел, как снежинки прилипали к стеклу и через некоторое время скаты-

вались каплями вниз. Домой жене Журба звонить не спешил. Наученный горьким опытом не хотел понапрасну обнадеживать. Уже бывали случаи, когда в последний момент все менялось и радостное состояние души сменялось горечью разочарования. Поэтому в отличие от Гены, который уже предупредил супругу, что скоро приедет из Киева, он позвонил на телефон узнать, как дела дома. Трубку на том конце долго не брали, через несколько гудков сонный голос ответил.

– Алло. Привет, ты что, спишь? – спросил Иван.

– Ага.

– Ну ладно, спи, потом, как проснешься, перезвонишь.

– Хорошо, – на другом конце провода отключились. В автобус ввалился Андрей, стряхивая с воротника мокрый снег, сказал, – там бачки привезли с горячим, кто хочет, идите есть.

– А ты уже ел? – спросил Иван у друга.

– Нет. На второе котлеты, хочу горчицы взять в сумке.

– Так пошли все возьмем и тут сядем, поедим. У меня чай горячий в термосе есть, – предложил товарищу Иван.

– Нет, Бодренко Семен уже все взял. Мы в его автобусе в нарды играем на вылет, договорились там и поесть, – ответил Кольницкий, с горчицей в руке выходя из автобуса. Иван пошел, взял гречневый суп в одноразовой тарелке и быстро съев его в автобусе, вернулся за вторым. На второе давали ячневую кашу и котлету.

– Мне только котлету положи, каши не хочется, – попросил он Саркиса, который из бачка насыпал еду. Идя к автобусу, Иван подумал, может пойти к Кольницкому в нардишки сыграть? Но тут же передумал. Да нет, настроения что-то нет. Поев, Иван налил из термоса горячего чая, который пах липой и чабрецом. Сразу вспомнилось, как этой весной с женой ездили в Евпаторию. В поликлинике МВД после нескольких лет настойчивых просьб дали путевку в санаторий. Хотели летом, но сказали, не по чину, летом руководство ездит. Поехали весной и не пожалели. В море некупаешься, холодно. Но зато какой запах стоял. Крым цвел: благоухала акация, растущая прямо возле окон номера, вдоль дорожек пахли цветы, а за воротами санатория цвели вишни. По вечерам они ходили к морю дышать свежим воздухом. С моря дул холодный ветер, приходилось надевать спортивные куртки, но Иван, несмотря на холод, разувался и ходил по воде.

В автобус стали заходить беркута.

– Командир сказал срочно одеваться. На майдане какая-то заварушка, – сказал вошедший Леха Рыжий. Через задние двери вошел Миша Лапатый.

– Мишань, ты из Кинопалаца пришел? – спросил Иван.

– Да, – ответил боец.

– Там еще из нашего автобуса много людей?

– Нет, немного, но все уже знают, что одеваться надо, спешат в автобусы, – успокоил Ивана Миша. Через несколько минут уже все надели спецсредства и, рассевшись по местам, переговаривались, ожидая дальнейших команд.

– А где Саркис? – поинтересовался Гена.

– Они на командира машине повезли бачки и посуду, что в столовой брали, – успокоил друга Кольницкий.

– Вань, есть еще чай? Налей, пожалуйста, – попросил Лапатый.

– И мне, – влез Гена. По радиостанции прозвучала команда:

– Выходим строиться!

Из автобусов выскакивали спецназовцы.

– Становимся в колонну по три, – командовали офицеры. Иван увидел, как за ворота стройки выбегали беркута из других областей.

В три колонны «Беркут» бежал вниз по Институтской в сторону Крещатика, сзади и впереди бежали беркута из других областей. Не добегая до Крещатика, подразделение остановилось, и шеренги развернулись лицом к протестующим, которые стояли через дорогу.

– Опустишь забрало! Сомкнётся! – последовала команда. Стоящие напротив майдановцы с любопытством рассматривали бойцов, многие фотографировали и снимали на видео. Для них это было очередное веселое развлечение, для «Беркута» рутинная работа. «Мальчики, идите к нам», – кричали девчонки прямо напротив Ивана. У них была фотосессия на фоне спецназовцев. «Міліція з народом!» было слышно слева. «Зека геть!» разрывались справа несколько человек с флагами «Свободы».

Сверху бежали все новые и новые колонны «Беркутов», выстраиваясь в ряды, и вот уже слева и справа от Ивана колышется камуфлированная река. Народ напротив насторожился, уже с опаской поглядывая на шеренги силовиков, наиболее активные растворялись в толпе. С противоположной стороны появились лазерные указки и их красные и зеленые лучи прыгали по каскам бойцов, пытаясь попасть в глаза. Как всегда не вовремя зазвонил под бронежилетом мобильный. Звук был выключен, но виброзвонок настойчиво привлекал к себе внимание. Иван достал телефон, звонила жена. Не вовремя. Он повернулся к стоящему сзади него Саркису и, показывая пальцем на вибрирующий в руках мобильный, попросил:

– Давай местами поменяемся.

Став за спину товарища, Иван ответил на звонок.

– Да, дорогая, ты уже проснулась? Все в порядке. Сейчас немного неудобно разговаривать, в строю стоим. Какую радостную новость я от тебя скрываю? А, наверно Гены жена уже доложила, что возможно поедем домой.

Гена Находько, услышав свое имя, повернул голову в сторону, откуда доносился голос. Журба погрозил другу кулаком, на что тот состроил совершенно невинное лицо.

– Ты ведь помнишь, уже было, что позвонил, еду, а автобус развернули назад, – продолжал разговор Иван. – Мариша, я обязательно позвоню, как выедем. Честно! Честно! Все, пока, целую.

Больше двух часов на ногах в строю давали о себе знать. Начала ныть спина, а время стало тянуться утомительно медленно. Народ напротив видя, что никто их трогать не будет, опять воодушевился, стали кричать речевки и махать флагами, появились заводилы с мегафонами. Бойцы тоже немного расслабились, переговаривались между собой, переминались с ноги на ногу, некоторые похлопывали себя, чтобы согреться. Вдруг справа от себя Иван услышал знакомый голос «Розійдіться! Я народний депутат. Пропустить мене!». Журба посмотрел направо, откуда раздавался голос, и не поверил своим глазам. Через строй пробирался Арсений Петрович Яценюк, следом за ним спешили два охранника в черных болоньевых куртках и оператор с камерой. Видя, какие усилия прилагает народный избранник, пробираясь через лабиринты «Беркута», Иван задавал себе вопрос: почему не пойти по дороге, которая разделяла две противоборствующие стороны, ведь она совершенно пустая? Но как говорится: «Мы легких путей не ищем». Кто-то из строя отвлек депутата фразой: «Поаккуратней можно!» и Арсений Петрович врезался в детину больше двух метров ростом. Боец посмотрел на народного избранника сверху вниз и сказал: «Осторожнее». Яценюк, раскрасневшийся, в запотевших очках, попробовал рукой отодвинуть преграду с дороги.

– Дайте пройти. Я народный депутат Украины Арсений Яценюк! – представился он. Но милиционер даже не пошевелился. Поправив маску на лице, он сказал:

– Нужно с народом повежливее быть, а ты толкаешься. Некрасиво.

– Це ви народ? – возмущенно воскликнул депутат. – Ви служите злочинному режиму Януковича!

Строй загудел, милиционеры стали подтягиваться ближе. Из строя слышались выкрики:

– Мы служим Украине. Раздался еще один выкрик:

– Вырвите ему нитки.

Внезапно вспомнив о неотложных делах, депутат дернул за рукав оператора и, указывая на «беркутов», сказал:

– Знімай! Знімай все, що тут відбувається!

А сам вместе с охраной, проскальзывая между бойцами, ринулся в сторону митингующих, которые встретили своего кумира восторженными криками.

– У тебя что, камера лишняя? – раздался голос из-за спины оператора, пристраивающего на плечо камеру.

– Нет! – взвизгнул он и побежал догонять своего работодателя. Кто-то выкрикнул:

– Куда же вы, мы только собирались вам автограф на память оставить, – и помахал палкой. Строй взорвался дружным громким смехом. Теперь в строю было про что поговорить. К Ивану повернулся Саркис и возмущенным тоном сказал:

– Ну, ты видел, форменный провокатор. Наверное, палец ему замначальника «Кобры» в 2008 году тоже не просто так показал, довел человека.

Через полчаса шеренги пришли в движение. «Беркут» уходил. Дошла очередь и до подразделения Ивана. Перед строем вышел командир и скомандовал:

– На ле-во! Шагом марш!

Шеренги, синхронно повернувшись, пошли вверх по улице. Митингующие напротив стали хлопать в ладоши и скандировать: «Молодці! Молодці!», «Міліція з народом!». Шум майдана распространялся далеко за его пределы и в автобусах, даже с закрытыми дверями, было слышно, как выступают на сцене активисты и в перерывах между пылкими речами играет музыка.

Уставшие милиционеры заходили в автобусы и падали на сиденья, стягивая с себя амуницию и спецсредства. Заходя в автобус, Гена остановился на ступеньках в дверях и, подняв руки, с пафосом произнес:

– Дом, милый дом.

В спину его несильно толкнул Миша Лапатый.

– Проходи давай, не охлаждай машину, нам в ней еще спать.

– Ты знаешь, – обратился он к Ивану, – на посту по двенадцать часов стоишь, а ноги так не болят.

– Так на посту ты не все время стоишь, походил, присел где-то, на что-то обопрешься, а здесь стоишь и стоишь, – просветил друга Иван. Сняв ботинки, он засунул ноги в тапочки.

– Ну, ты уже вообще по-домашнему, – заметил Алексей Каустович.

– Ноги должны отдыхать. Мне так еще моя бабушка говорила. Зачем себе отказывать в маленьких жизненных радостях? – наставительным тоном ответил Иван, готовясь завалиться спать.

– Вань, ты что, уже спать ложишься? – с обидой в голосе спросил Гена.

– Ну да, а что? Сейчас умоюсь, что-нибудь перекушу и на боковую.

– А в картишки партейку сыграть? – предложил друг, вытягивая из внутреннего кармана колоду карт и начиная ее тасовать.

– Нет Ген, какие карты, уже одиннадцать ночи. Хочешь, Одаса возьми, он целый день в автобусе спал, – посоветовал сослуживцу Иван.

– Кто спал? – возмутился Игорек. – Я целый день с Карасем его автобус делал, руки отмыть не могу. Вон бушлат весь мокрый. Нужно было оставаться и спать вместе в грязи под автобусом, – бубнил незаслуженно обиженный водитель.

– Я тоже играть не буду. Сейчас еще натоплю чуть и спать. Замерз как собака, – обратился он к Гене.

– Ну, вот так всегда. Смотрите, всю жизнь проспите, – расстроился боец и вышел на улицу.

Ивана разбудил виброзвонок телефона. Спросонья он никак не мог найти его под бушлатом. Наконец вытащил из внутреннего кармана и ответил:

– Аллю!

– Хватит спать, – это был командир, – буди всех. Надеваем на себя все: броники, спецсредства. Одасу скажи, пусть автобус прогревает.

– Есть, товарищ полковник, – ответил боец в трубку, из которой уже доносились гудки. Подойдя к водителю, который спал на двигателе, он подергал его за плечо.

– Вставай, Игорек. Одас проснулся сразу.

– А, что? – уставился он непонимающим взглядом на Ивана.

– Заводи автобус и включай свет, – распорядился он.

– А который сейчас час? – поинтересовался полусонный водитель, натягивая ботинки.

– Три часа ночи.

– И куда мы собрались в такую рань? – продолжал расспрашивать Игорь, попутно заводя автобус и включая свет в салоне.

– Много текста. Подъем! – громко на весь автобус скомандовал Иван. На его окрик среагировало человек семь; все остальные продолжали дрыхнуть, как ни в чем не бывало. Милиционер пошел по салону, расталкивая товарищей. Реакция была разная: одни просыпались и начинали одеваться, другие долго не могли понять, что происходит и почему их будят в такую рань. Наконец он растолкал всех, кто находился в автобусе и, вернувшись к своему месту, накинул на себя броник. Присев на край сиденья, застегивал наколенники. Бойцы, надев все на себя и видя, что ничего не происходит, стали расслабляться. Одни вышли на улицу покурить, другие, удобно устроившись, продолжали сладко спать. Чтобы окончательно проснуться, Иван тоже вышел из автобуса и встал у дверей. Со стороны майдана была слышна негромкая музыка. Беззвездное небо было затянуто облаками и темноту рассеивал только ближний свет фар заведенных автобусов. Мороз несильный, но из-за сырости было зябко. Бр-р-р, – передернул плечами Иван. Стройка, где они ночевали, гудела как растревоженный муравейник. На краю, возле выезда рычали «Икарусы» «Беркута» из других областей. В тусклом свете метались тени, на спине которых отражались нашитые надписи: «Міліція» или «Беркут». Что-то намечалось, «может майдан разбежался и всех домой отпускают», была первая счастливая мысль Ивана.

– Что случилось, не знаешь, Макс? – бросил он пробегающему мимо Краховецкому Максиму. Тот немного приостановился.

– Да вроде бы на майдан сейчас пойдем, елку будем наряжать, – ответил водитель и побежал к своему автобусу.

– Какую елку? Кто наряжать будет? – крикнул ему вслед Иван, но его уже никто не слышал. Только утром, когда все газеты будут кричать «о кровавой елке майдана», а телевидение показывать интервью с избитыми «детьми», он поймет, про какую елку говорил Краховецкий.

– По машинам! – в темноте Иван узнал голос командира.

– По машинам! – продублировал он команду. Зайдя в автобус, попросил водителя включить свет.

– Одас, свет выключи, – закричали из задних рядов, – спать мешает.

– Я сейчас выключу кому-то на всю оставшуюся жизнь. Кого нет? – задал вопрос тоном, не терпящим возражений, Иван.

– Американца! – ответил сонным голосом Ахтыркин, – он в туалет побежал, прижало его сильно.

– Вот сука! Набирайте его на телефон, пусть бегом возвращается, – начинал нервничать Иван. Нужно уже докладывать командиру, а у них одного человека нет. На заднем сидении возле Миши заиграл телефон.

– Он бушлат оставил, а мобильный в кармане! Не надо было человека будить. Так бы он до утра в автобусе сидел. Сами пацана разбудили, теперь еще и виноватым оставят, – недовольно бубнил Ахтыркин. Не став дальше слушать его бубнеж, Иван выскочил на улицу.

– Степаненко Гришка! – позвал он.

– Да, я! – выскочил из темноты Американец с перепуганными глазами, застегивая на ходу комбинезон. Высокий, крепко сбитый Степаненко пришел в «Беркут» из охраны совсем недавно. Еще не обтерся, был тихий и незаметный. Старался на глаза никому лишний раз не попадаться. Когда Американец проходил отборочный спарринг, Иван убедился, что он неплохой боксер и вроде даже имел КМС по боксу. «Американцем» Григорий стал по пути в Киев. В сумку с собой он взял пять бутылок с «Кока-колой», когда пацаны увидели полсумки культового американского напитка, Степаненко сразу стал «американцем», но он не обиделся.

– Давай быстро в автобус. Где ты лазишь? Иван, назвав свой позывной в рацию, доложил, что у них все.

– Долго копаешься, – услышал в рации недовольный голос командира, – выезжаем!

Возле ворот рычал «Икарус», он не проходил по габаритам, а сзади его уже подпер следующий, и так один за другим в ряд стояли пять автобусов. Последний автобус Караса, который ехал первым в их колонне. Сам Карась бегал на улице возле застрявшего «Икаруса» и орал:

– Убирай ты свою колымагу, ты бы еще на поезде сюда заехал, – злился водитель. Командир замыкал колонну и по радиостанции послал Диму Карасева разобраться, почему не можем выехать. Карась работал не очень давно, но за словом в карман не лез никогда. Мастер спорта по борьбе, коренастый, невысокого роста, он постоянно влипал в не очень хорошие ситуации из-за своего языка. Прямо перед отъездом в Киев в подразделение к командиру приходила соседка Карасева и жаловалась на Димона. Что-то он ей там наговорил, когда она сделала замечание его жене по поводу криков их шестимесячного малыша. После ее ухода командир вызвал Караса и сказал: «Поедешь в Киев. Пусть соседи от тебя хоть немного отдохнут. Нервишки подлечат».

– Ну где ты этот самовар взял. Давай потихоньку вперед, да не сцы, пройдешь, – продолжал руководить процессом Димон, – я бы там на комбайне проехал.

Водитель «Икаруса», не выдержав нападок со стороны Караса, высунулся по пояс в окно и, махая рукой, заорал водителю заднего автобуса:

– Да отъедете вы на хрен. Дайте назад сдать.

Карась остановился, посмотрел в сторону конца колонны и, хлопнув себя открытой ладонью по лбу, побежал к автобусу. После того как он сдал назад, вся колонна зашевелилась, как большая гусеница поползла назад. Передний «Икарус», коптя черным дымом, совершил несколько маневров и, наконец, выехал через ворота на Институтскую. Следом за ним потянулись все остальные. Иван сел на место и смотрел через лобовое стекло, как их автобус прижимался к бордюру, становясь впрыток к машине Карасева, вдоль по Институтской.

– Ода, не становись ты впрыток. Сейчас Карась автобус заведет, будем выхлопными газами дышать, – запереживал Леха.

– Куда сказали, туда и встаю, – раздраженно ответил товарищу не выспавшийся Игорь. В автобусе уже никто не спал. Все прилипли к окнам и с жадным любопытством всматривались в темноту. Иван видел, что из-за «Икаруса» на веселье они опоздали. Майдан уже почти зачистили без них.

– Вот бл...ть, не успели, – выразил мысли всех находящихся в салоне Ахтыркин, натягивая на руки кожаные перчатки. Предупреждая желание поскорее выскочить из машины, по рации раздался голос командира:

– Двери не открывать. Из автобусов не выходить. Сидим в автобусах.

– Никому не выходить, – повторил Иван команду, чтобы все услышали. Через окно было видно, как мимо автобуса в сторону выхода из метро «Крещатик» пробежали несколько парней лет по двадцать пять-тридцать, на ходу сдирая балаклавы с головы. Двое из них остановились и, подобрав несколько камней, бросили их в милиционеров и побежали догонять товарищей.

– Смотрите! Смотрите! Суки, что творят! – привлёк внимание товарищей Андрей Кольницкий. Все бросились к окнам, выходящим на майдан. На ступеньках лежал споткнувшийся беркутовец, а один из активистов пытался достать его тлеющей палкой. Ещё трое стояли рядом и с интересом наблюдали за товарищем, иногда подбадривая его. Боец отбивал палку, из которой сыпались искры, сжатой в кулак рукой. Сзади к активистам подскочили коллеги бойца и стали вбивать палками в них уважение к милиции. Радикалы, прикрываясь руками, бросились бежать. Их никто не преследовал, милиционеры помогли подняться своему товарищу и растворились в темноте.

– Ну, ты видел, что творят, гады, – метался по автобусу, как тигр в клетке, Миша Ахтыркин.

– Он же хотел ему палку под шлем засунуть. Может подмогнем пацанам? Что сидеть? – загорелся Леха Каустович.

– Сидите! Вы думаете, мне легко смотреть на то, что происходит?

В передние двери заходил командир. Услышав последние слова Алексея, он постарался успокоить подчиненных.

– Приказ сидеть в резерве. Там и без вас народа хватит.

– Товарищ полковник, а можно выйти покурить? А то уши пухнут, – задал вопрос Миша Ахтыркин, показывая свое большое красное ухо.

– Ну, тебе можно, – засмеялся командир, – задние двери открой, в них покури. На улицу не выходить. Одас, закрывай двери.

Полковник вышел на улицу и пошел к следующему автобусу. На майдане уже все успокоилось. Активисты разбежались и по площади ходили несколько человек в гражданской одежде. Офицеры собирали бойцов «Беркута» и уводили их в автобусы. Вэвэшники снимали привезенные железные щиты-парапеты и выставляли их в ряд.

– Все, кина не будет, будут танцы, – Гена расслабленно откинулся на сиденье, расстегивая липучки на бронежилете. Накал страстей стал утихать. Как всегда, нервное напряжение сменялось апатией и расслабленностью. Бойцы рассаживались по своим местам. Миша, снимая перчатки, которые он несколько минут назад с таким энтузиазмом надевал, бурчал:

– Если бы не этот вонючий «Икарус», сто пудов бы успели.

– Давайте поедим, а то после этих нервов так жрать захотелось, – внезапно подал голос до этого постоянно молчавший Американец.

– Точно. Я давно уже хотел предложить то же самое, – заявил Одас, перелезая из кабины в салон. В правой руке он тащил большой черный пакет. – У меня еще сальцо домашнее осталось, пара банок сардин в масле и три огурца свежих, – радостно улыбаясь, рассказывал Игорек. На заднем сиденье быстро накрыли стол. Иван тоже присоединился к товарищам, притащив с собой банку тушенки и оставшуюся от привезенных из дома продуктов пачку печенья. Гена к раннему завтраку присоединиться отказался:

– Я в шесть часов утра есть не могу. Лучше посплю. За столом все разговоры сводились к только что произошедшему на майдане. Все поддерживали Мишу Ахтыркина, что разогнать эти сборы нужно было уже давно, а не играть в демократию и тянуть до сегодняшнего дня.

– Может, сегодня домой отпустят? – высказал, запихивая в рот очередной бутерброд с салом, мучившую почти всех мысль Игорь Одас. Все разговоры переключились сразу на поездку домой и выяснилось, что почти у каждого дома куча неоконченных дел и неразре-

шенных проблем. В разгар словесных дебатов Гриша Степаненко достал из сумки последнюю баклажку «Кока-колы» и, перебивая товарищей, спросил, кивая головой на бутылку:

– Кто-то будет пить?

– Ну везде эта Америка лезет, – протягивая Грише кружку, улыбнулся Леха Каустович.

– Наливай! – подставил свою огромную чашку Миша Ахтыркин. Попив «Кока-колы»

Иван встал.

– Ну, раз у вас больше ничего нет, мы, пожалуй, пойдем.

Убрав со стола, все стали расходиться и укладываться спать. Когда Иван вернулся, Гена уже мирно похрапывал, развалившись напротив и подложив под голову бронежилет вместо подушки.

– Вот у кого нервы железные. Спит как трофейная лошадь, – высказался Одас, расстилая на двигателе спальный мешок и бросая сверху бушлат. Гена прекратил храпеть, открыл один глаз и, подняв указательный палец, пафосно произнес:

– Завидовать нехорошо.

Повернулся на другой бок и опять захрапел. Иван полусидя оперся на броню под спиной и, свесив голову, быстро заснул.

– Одас, ты что, нас всех здесь потравить хочешь? Только что открывший глаза Иван смотрел на Гену, который воспитывал водителя.

– Двери открывай. Мы здесь все скоро задохнемся, – продолжал он распекать Игорька. Окинув взглядом салон, в котором стоял сизый вонючий дым, Иван повернул голову к водителю, сидящему за рулем тарахтящего автобуса, и сказал:

– Открой двери и включи на всю печки. Откуда столько дыма в автобусе?

– Карась впереди свою керогазку завел и из выхлопной весь дым к нам в автобус тянет, – пояснил Игорь.

– Уезжаем уже. Надо машины прогреть.

На улице уже было светло и в открытые двери было видно, как разъезжались автобусы с «Беркутом». Гена посмотрел на тяжелые серые облака, затянувшие небо.

– Сегодня в дорогу солнышка не будет, – огорченным голосом уточнил он.

– А что, сказали, домой едем? – с надеждой в голосе спросил Иван.

– Нет, еще не сказали, но что тут делать? Майдан зачистили. Думаю, наверняка сегодня уедем, – поделился своими догадками с Иваном товарищ.

– Как говорит мой батя, «Скажешь гоп, як перескочиш», – влез в разговор друзей Одас, который до этого внимательно к нему прислушивался. Передний автобус, выбросив черные клубы дыма, дернулся и поехал. Следом за ним вырулили на Крещатик и они. Автобус, подпрыгивая на ямах, ехал вдоль набережной.

– Ну вот, я же говорил, едем в общагу. Вещи соберем, и домой, – радостно сообщил на весь салон Гена. Иван не ответил, задумчиво смотря в окно. Предчувствие говорило, что никуда они сегодня не поедут, а своему предчувствию он привык доверять. Подъезжая к общежитию, Иван отвлекся от созерцания мокрых серых улиц Киева и крикнул в салон:

– Просыпаемся! Приехали уже!

Командир построил свое войско перед общежитием. Бойцы, сонные и недовольные всем происходящим, становились в строй. Полковник вышел перед строем.

– Сейчас мыться, бриться и отдыхать, – произнес он коротко.

– А домой едем? – задал кто-то из строя вопрос.

– Пока нет. Отдыхайте. Все, разоидись. Распустив всех, командир пошел в общагу.

– Находько, ключ у тебя? – спросил Иван у расстроенного друга, который уже представлял, как его дома встречает жена, и сын, и дочь.

– Нет. У Андрюхи! – раздраженно ответил товарищ, разочарованный словами командира. Поднявшись на этаж, друзья увидели, что двери в номер открыты и внутри уже хозяйни-

чает Кольницкий. Гена разулся, зайдя в комнату и, не раздеваясь, завалился на кровать, уставившись безучастным взглядом в потолок.

– Что с ним? – спросил Андрей, показывая глазами на Гену.

– Расстроился, что домой не едем, – ответил Иван на вопрос друга.

– Ген, да не расстраивайся. Сегодня не поедем, завтра уедем, – успокаивал друга Андрей.

– На хрен мне завтра! Я на этот Киев уже смотреть не могу. Достал он меня. Здесь постоянно чем-то недовольны. То Кучма им не такой, потом Ющенко не нравится. Сейчас в Евросоюз захотелось. Завтра решат, что им в союз с Китаем вступать нужно. Почему в других городах люди спокойно работают, учатся, растят детей? А в Киеве, как не демонстрация, так митинг. Ладно, отцепитесь вы от меня.

Раздраженный товарищ отвернулся лицом к стенке. Иван жестами показал Андрею, чтобы не трогал Гену. Тот понимающе кивнул головой. Иван сходил искупался, постирал вещи и тоже завалился на кровать. Взял книгу и погрузился в чтение, рядом на кроватях уже сопели Гена и Андрей.

В комнату заскочил Саркис с возбужденно горящими глазами и прямо с порога завопил:

– Дрыхните!? Пойдемте быстрее, там по телеку про сегодняшний майдан все каналы только и говорят.

– Не кричи, – успокоил товарища Иван, – не видишь, пацаны спят.

Он встал с кровати и вслед за Сергеем пошел по коридору. В «аппендиците», где стоял телевизор и диван, была куча народу. Все жадно уставились на экран, где один за другим крутили ролики, как «Беркут» разгоняет майдан. Депутаты, политические обозреватели, все с удовольствием смаковали произошедшее, давая самые негативные оценки силовикам.

– Вот падлы! – эмоционально злился Костик Серков, похлопывая себя руками по коленям. Он негодовал, когда очередной критик высказывал свое «фи» произошедшему на майдане.

– Ну, а где оперативные съемки? Мы же видели, как «тихушники» снимали на камеры. Почему не показать, как «дети» пытаются горящую палку милиционеру под шлем засунуть. Это что, игры у них сейчас такие? Или как те два урода возле наших автобусов в ментов камни кидали, – Костик в своем негодовании аж привстал с продавленного старого дивана.

Костик Серков работал в «Беркуте» уже не один год. До того, как прийти в подразделение, он уже успел послужить в спецназе. Константин был хорошим и исполнительным сотрудником, но страдал обостренным чувством справедливости. За что постоянно и страдал. Он, не взирая на звания и должности, мог сказать офицеру:

– Ну это же несправедливо...

Многим это не нравилось и Серковым затыкали все дыры. Он, конечно же, обижался, но в очередной раз не сдерживался и опять влезал:

– Но ведь говорили по-другому, где же здесь справедливость?

И опять попадал на выходные в наряд. Товарищи Константина уважали и, стараясь ему помочь, советовали:

– Да не лезь ты. Оно тебе надо?

А офицер, которому Серков доказывал про справедливость, философски замечал:

– Где ты видел в этой жизни справедливость?

Вот и сейчас Костик не мог сдерживать эмоции, полностью растворившись в телевизоре. Сергей Саркисов оторвался от экрана и, повернувшись к Ивану, спросил:

– Вань, ты как думаешь, почему на «Беркут» всех собак спустили?

Иван почесал кончик носа, посмотрел в телевизор и ответил:

– Ты знаешь, Серега, в школе мы учили басню Крылова – «Волк и ягненок» и мне запомнились такие слова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Вот так и здесь, нужен образ «плохих парней», чтобы показать народу, что он борется за все «хорошее». Создается образ

врага и его «цепных псов» – «Беркута», которых он натравливает на «хороших» парней, и чем больше борцы со «злом» страдают, тем лучше, больше ненависти у простых людей. «Независимые» СМИ, конечно, это покажут в правильных ракурсах. Похожий образ создали большевики в 1917 году для царской «охранки».

В кармане у Ивана зазвонил телефон. По мелодии он понял – звонит командир.

– Да, сейчас иду. Командир вызывает, – пояснил он Саркису.

– Самое обидное, что с нашей стороны все молчат. Как в рот воды набрали, – поделился своими мыслями Иван, уже выходя в коридор.

Перед дверями в номер командира Журба встретил Василькова.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Привет Ваня, – по-простому ответил Васильевич. Выглядел он не очень хорошо: красные глаза с синюшными мешками под ними, лицо одутловатое с желтым оттенком.

– Вы что, заболели, Владислав Васильевич? – с сочувствием в голосе поинтересовался у офицера боец, заходя за ним в номер.

– Да что-то почки прихватило. Наверное, на сквозняке застудил. Разрешите, командир? – спросил он у полковника, сидящего в углу на стуле. Командир был одет по-домашнему: в свитерке, спортивных штанах и тапочках.

– Заходите быстрее. Не выпускайте тепло. Посреди комнаты стоял обогреватель и дул теплый воздух. Телевизор на тумбочке показывал то же самое, что Иван смотрел несколько минут назад. Убедившись, что все собрались, командир сказал:

– Как сами видите, новости не радостные. Можете сказать бойцам – поездка домой откладывается на неопределенное время. По улицам пускай не мотаются, особенно в форме, а то какой-нибудь ненормальный, насмотревшись телевизора, начнет кидаться. Видите, как милицию сейчас уважают. Моются, бреются и больше отдыхают. Завтра выезжаем в восемь на Администрацию Президента. Сейчас у Селенкова получите на автобусы тушенку, печенье галетное и воду. Все. Вопросы у кого-то есть? Нет? Тогда все свободны. Владислав Васильевич, оставайтесь.

Иван, уже закрывая двери, услышал голос командира:

– Влад, может тебе в больницу, хватит геройствовать, орден не дадут.

Иван позвонил Саркису:

– Возьми с собой пару человек, получим продукты на автобус. Спускайтесь побыстрее, хватит там охать и ахать перед телевизором.

Встретились возле входа, получили продукты, сложили все в автобусе и со спокойной душой Иван пошел в номер. Гена за время его отсутствия уже успел раздеться и храпел под одеялом. Он тоже решил не испытывать судьбу. Закрыл на ключ входную дверь, разделся и завалился спать.

– Опять автобус, как он уже мне надоел. Я сегодня ночью на кровати хоть выспался. Если бы каждый день в общагу ночевать возили, вообще отлично было бы, – уже за ночь успокоившись, Гена размышлял вслух, покачиваясь в такт с автобусом на кочках.

– Куда сегодня едем, неизвестно? – поинтересовался Саркис, не отрывая взгляда от своего телефона.

– Слышь, Серега, тебе не все равно, где тебя выставят губителем «детских душ», – бесцеремонно встрял раздраженный Миша Ахтыркин. После вчерашних просмотров новостей настроение у всех было подавленное. Почти по всем каналам показывали зверства «Беркута» в отношении «детей». Брали интервью возле Михайловского собора и на Софиевской площади у покалеченных и избитых. Все это освещалось как-то однобоко. Милиционеры, которые были непосредственными участниками событий на майдане, смотря телевизор, убеждались, что правда о произошедшем никому не нужна и виновные уже назначены. Саркис в интернете вычитал, что на майдане получили травмы семь сотрудников МВД и ни с одним из них не

показали интервью. Но самое обидное было, что руководство в своем большинстве молчало или признавало вину. И только некоторые старались оправдать «Беркут», но их было так мало, что они растворялись в общей обвинительной массе. Все это никак не прибавляло энтузиазма, а лишь обозлило и так морально уставших бойцов.

– Миша, угомонись, зачем на людей бросаться – сделал замечание Иван и, повернув голову к Сергею, пояснил, – на Банковую едим.

Утренние улицы были пустынные. Не видно возмущенных киевлян, которые, как говорил диктор пятого канала, торопились на майдан. На лицах редких прохожих, кутающихся в пуховики и пальто от сырого, пронизывающего ветра, читалось безразличие к происходящему и озабоченность своими проблемами. Вдоль обочины и на набережной возле Днепра стояло несколько десятков автобусов и микроавтобусов. Присмотревшись к номерам, Иван отметил, что здесь собрался цвет Западной Украины. В основном много было автобусов со львовскими номерами. Из-за ветра, дувшего с реки, народу возле коптящих автобусов было мало, только возле гранитного ограждения у самой воды стояли около десятка молодых парней с телескопическими удочками для флагов, и пили водку. Один из них, разлив водку по одноразовым стаканчикам, широко размахнулся и забросил пустую бутылку в Днепр. Что было дальше, Иван уже не смог рассмотреть, но он был уверен, весь остальной мусор после пьянки поплывет по древней славянской реке, качаясь на волнах, и где-нибудь на изгибе прибьется к берегу. Автобус с милиционерами, натужно гудя, повернул и медленно пополз вверх.

На Банковой перед железными воротами несколько минут выясняли, нужны мы здесь или нет. Наконец, скрипя, ворота открылись и автобусы, въехав, встали вдоль стены.

– Из автобусов не выходить, – последовала команда по радиостанции.

Через полчаса в двери постучали. Ода открыл и в салон зашел командир.

– Игорек, сейчас выедешь за ворота, и автобусы поставите за ввэшными. – Посмотрев на Ивана, продолжил: – По улице не шляться, покурить возле автобуса или в туалет сходить и быстро назад. Сегодня оппозиция возле памятника Шевченко митинг собирает. Видели, сколько вдоль набережной автобусов стоит? Есть информация, что могут быть провокации. Чтобы я никого не искал.

Проведя инструктаж, командир вышел на улицу.

Дремая в автобусе, никто и не думал, что будет такая заваруха. Уже третий час на Банковой бесновалась и выла толпа молодых беспределычников, которые упивались своей безнаказанностью: можно мочить мусоров, можно делать, что хочется и за это ты в героях, борешься с ненавистным режимом. Да, в четвертом году все было цивильней – девочки с гвоздиками, Вакарчук, раздающий свои кассеты, бабушки с иконами, обернутыми вышитыми рушниками, а сейчас как-то сразу все пошло радикально и агрессивность у толпы зашкаливает. Ну, в принципе, сами виноваты, опустили планку уважения к милиции ниже плинтуса, показывая один негатив и высмеивая при каждом удобном случае, только «Беркут» уважают и боятся, потому некоторые и ненавидят, думал Иван, провожая взглядом очередного ввэшника, который прыгал на одной ноге, опираясь на плечо своего товарища. За автобусами стояла «скорая», возле нее сидели и лежали около дюжины пацанов в ввэшной форме. Одним накладывали шины на поломанные руки и ноги, другим бинтовали раны. Ребята лежали на щитах и бронежилетах, расстеленных на земле. Бойцам оказывали первую медицинскую помощь, вкалывали обезболивающее, и они продолжали страдать на морозе. Выехать у скорой возможности не было, мы блокированы со всех сторон.

– Черт, когда уже дадут команду нам выйти к этим отморозкам? – высказывал с нетерпением Андрей. Ярость клокотала в груди, ища выход. Бойцы бессильно сжимали кулаки и скрипели зубами, видя, как калечат их товарищей.

– Сегодня праздник – сообщил Саркисов, ковыряясь в телефоне.

– Ты опять какую-то чепуху в своем интернете наковырял? – поинтересовался Андрей.

– Какой праздник, Саркис? – заинтересовался Гена.

– Сегодня 1 декабря? Годовщина референдума о независимости Украины. Ненормальные люди, вместо того чтобы на майдане песни петь, танцевать, они здесь дуреют.

Сергея никто не поддержал и обсуждение утихло. Все с нетерпением поглядывали вперед, туда, где слышался рев трактора и взрывы взрывпакетов и петард.

Через полчаса со стороны, где держались шеренги вэвэшников против разгулявшихся ультрасов, если раньше выводили одного-двух окровавленных солдат, теперь потек уже ручей раненных с разбитыми окровавленными шлемами, в разорванных бушлатах, а в другую сторону тек ручей испуганных мальчишеских лиц, идущих на усиление шеренг в мясорубку, становясь на место своих раненых товарищей. Поначалу пацанов бросали без щитов, приказ на провокации не реагировать, силу не применять. Только через час избиения вэвэшникам, большинство из которых срочники, выдали щиты. К Ивану подошел командир.

– Ты как старослужащий определись, с тобой человек десять покрепче, сейчас поднесут гранаты со слезоточивым газом, нужно по команде бросать, где сильно лезут эти отморозки, – кивнул он головой в сторону, откуда был слышен грохот и виден дым.

Поднесли гранаты, много не давали, по три-четыре штуки на человека. Иван засунул свои в карман, когда вытащил руку из кармана, по ней больно ударил камень, камни уже стали долетать из толпы и, отскакивая от крыш автобусов, падали в строй «Беркута», иногда долетали и фаеры, которые тут же поднимали и бросали обратно в толпу. По стенам домов на Банковой плясали кровавые сполохи, отражая причудливые тени горящих фаеров. Увидев зовущий жест командира, который стоял за шеренгами вэвэшников, Иван коротко скомандовал:

– За мной! – И между автобусами, стараясь не столкнуться с ранеными, побежал к командиру.

– Видишь, вон там около трактора – человек шесть с фаерами и палками особо активных, кинь пару гранат, пусть понюхают, отвлекутся, глядишь – срочники их палками достанут.

Тут же с крыши стали падать бутылки с «коктейлями Молотова». Несколько разбились в непосредственной близости от солдат, сразу вспыхивали ботинки, форма, щиты – все, на что попадала горящая жидкость.

Их сразу тушили огнетушителями, но некоторым огонь попадал на открытые участки, тогда медики забрызгивали ожоги пантенолом и раненных уводили к скорым. Возле «скорых» их укладывали или садили на щит, на котором лежал бронежилет. Иван сам помогал отводить двоих окровавленных ребят, поэтому видел и медиков, которые сутились около раненых молодых пацанят в синей милицейской форме с перемотанными бинтами головой, с шинами на руках и ногах и белым, забрызганным пантенолом лицом и руками, в разорванной и прогоревшей форме. Сейчас уже в этом муравейнике синей милицейской формы были видны вкрапления камуфляжей «Беркутов», все, кто мог, тот был в строю, возле «скорой» сидели сильно пострадавшие правоохранители с шинами или перебинтованными лицами, рядом валялись разбитые шлемы.

Высматривая, где больше всего лезли боевики, Иван указывал своим товарищам, куда кидать гранаты. Гранаты взрывались под ногами атакующих, выбрасывая облако едкого слезоточивого газа, от которого слезились глаза, пекло лицо, а если успевали вдохнуть, то душил сильный кашель. В это время солдаты пытались палками отблагодарить дезориентированных активистов. Получая от солдат довольно сильную благодарность по спине и рукам, толпа отхлынула метров на пять. Из нее периодически выскакивали отморозки, пытаясь ногой или палкой ударить вэвэшника, бросали взрывпакеты и фаеры, стреляли из фейерверков, которые взрывались в строю солдат. В ответ навстречу атакующим взлетали резиновые палки и, получив один или несколько ударов, «херой» заскакивал в толпу, потирая ушибленное место.

Возле Ивана остановились трое незнакомых беркутов, у двоих в руках были помповики «Форт 500», а третий смотрел в бинокль, медленно осматривая крыши и окна, выискивая цели.

Вот над козырьком крыши показались две головы, и оттуда сразу полетела бутылка с горящим фитилем. Один из вэвэшников, заметив угрозу, крикнул «воздух», и все быстро разошлись, освобождая место. Упав на брусчатку, бутылка разбилась, обдавая осколками и черной маслянистой жидкостью стоящих рядом солдат, но не вспыхнула. В ответ зашелкали «Форты», посылая в сторону пиротехников резиновые пули. Услышав, как по карнизу защелкала резина, двое малолеток вскочили и скрылись из виду.

– Жаль, не достали, – расстроился Гена.

– Да высоко, даже если бы и попали, они не почувствуют, пуля уже на излете, – ответил один из «беркутов» с ружьем. На улице начало темнеть, морозец усилился и в сторону милиции подул несильный ветерок.

– Не кидайте гранаты, – крикнул один из полковников ВВ, в высокой каракулевой шапке, – сейчас сами дыма нанюхаетесь!

Его никто не слышал, вокруг стоял гул, крики и ругань. Кто-то кинул одну за другой две гранаты, они ударились об трактор и, отскочив, взорвались под ногами у солдат. Газ сразу потянуло в сторону Ивана и бойцов, они стояли за спинами солдат. Журба все-таки схватил свою порцию газа и, давясь кашлем, тер глаза.

– Ген, побудь здесь за старшего, а я быстро сбегаю, глаза промою, ничего не вижу, – сказал милиционер. Подойдя к автобусу, Иван стукнул в переднюю дверь:

– Игорек, открой!

Водитель открыл двери и спросил:

– Что, газку хватанул? Вон на сиденье вода лежит, не ты первый глаза моешь.

– Леха забегал, так возле него граната прямо в руках у «беркута» взорвалась. Он ее в левой руке держал, кольцо вытянул, когда бросал, переложил в правую, и все это делал, не снимая перчаток, она прям в руке и рванула. Рука вроде целая, а Лехе чуть щеку разодрало и газом надышался. Давай водичкой солью, а то наши куда-то строятся.

Иван промыл глаза, умылся и, вытерев лицо чехлом от бронника, побежал становиться в строй. Став в конце строя, он спросил:

– Чего построили?

– Не знаю, сейчас командир все скажет, – ответил Иваныч.

Командир вышел перед строем и сказал:

– Я только что из штаба, там решили – автобусы оставляем, забрать все ценное, мою машину загоним во двор администрации президента, закроем ворота и держим оборону.

– Так что, за вэвэшников не отомстим? Бежим? – сказал кто-то из строя.

– В штабе считают, что нас здесь слишком мало: бояться, что если не разгоним, то радикалы прорвутся вовнутрь администрации. Хватит болтать. Задача ясна?

– Так точно! – гаркнул строй. Командир развернулся и пошел туда, где на возвышенности стояли руководители операции, внимательно всматриваясь в происходящее. Машину командира загнали внутрь и поставили около «Дома с химерами». Иван выделил двух молодых, которые перетаскали вещи к машине. В строю царило уныние, разговоры смолкли сами собой, некоторые бойцы приседали, другие подпрыгивали, пытаясь согреться. Настроение пропало, внутри просыпалось тяжелое чувство вины и горечи поражения. К строю подбежал капитан в форме «Беркута».

– Командир где?

– Вон стоит с руководством.

– Передайте ему приказ первого – выстраиваться за спинами вэвэшников, – сказал капитан и быстро скрылся между автобусами. Через пять минут подошел командир.

– Ну что, мужики, замерзли? Сейчас вроде согреемся; командиры рот, подводите людей к солдатам, но так, чтобы меньше видно было с той стороны.

Шеренги подходили и выстраивались сзади вэвэшников. В воздухе чувствовалось напряжение, волны злости расходились от бойцов. В мертвенном свете фонарей и дрожащих бликах разрывов было видно, как заволновалась толпа, увидев шеренги строящихся беркутов. Милиционеры достали палки и стали ими стучать по наколенникам. Постепенно подстраиваясь под общий ритм, стуча палками по щитам, к ним присоединились вэвэшники, и над Банковой разнесся гул от сотен палок, бьющих по нервам атакующих и возвещающих о неотвратимости наказания. Кто-то из строя солдат крикнул: «Будем бить больно, но аккуратно!». Иван засмеялся вместе со всеми, чувствуя, как внутри скручивается пружина и адреналин разгоняет по телу кровь. Ну, когда же вперед? Было заметно, что энтузиазм агрессивно настроенных молодых начинает утихать и толпа поредела, рассасываясь на Институтскую и по дворам. Были еще не успокоившиеся активисты, кое-где вылетали петарды и фаеры, но многие начинали понимать, что вот-вот придется ответить за тот беспредел, который они творили весь день.

«Беркут», вперед! Вот она, долгожданная команда. Колонны пришли в движение и нестройное ура-ааа!!! разнеслось над ними. Услышав этот рев, храбрые молодцы, которые перед этим бросались на шеренги солдат, развернулись и, сбивая друг друга с ног, бросились бежать. Иван, крича, бежал почти в конце колонны, споткнулся о перевернутый заградительный забор, упал. Тут же кто-то наступил на спину и через секунду чья-то сильная рука помогла подняться. «Не падай», – пророкотал какой-то незнакомый боец. Иван подхватил щит, валяющийся на асфальте, и побежал дальше. Злости, ненависти не было, был азарт и желание поскорее закончить этот дурдом. Мимо двое солдат протащили парня с рюкзаком, лицо которого было в крови, навстречу шел молодой мужчина, прижимая к груди разбитый фотоаппарат. Иван и еще несколько бойцов заскочили в арку, здесь лихорадочно срывая с себя шлемы и нашивки «Свобода» пытались вернуться к мирной жизни несколько недавних героев, один вытряхивал камни из рюкзака, его первого сбили с ног палками.

– Лежать!

Двое упали на землю, где уже лежал, скрутившись калачиком и держась за задницу, так и не успевший избавиться от камней активист, остальные бросились лезть через забор. Их срывали с забора и бросали на землю. Это вам суки не с вэвэшниками воевать. «Херои», тоненько поскуливая, просили их не бить. Иван выбежал из арки и понесся к Институтской. Он видел, что «беркута» рассеялись, а те немногие, что добежали до перекрестка Банковой и Институтской, останавливались, не зная, что делать и оглядываясь по сторонам. Командиров не видно, они тоже затерялись в общей массе и уже каждый сам решает, что ему делать. В это время толпа отошла от первоначального панического ужаса и начала стекаться в общую массу. Полетели первые камни из разбитой брусчатки, несколько из них достигли цели, притом, что щитов у «беркутов» не было.

Иван подбежал к «скорой», около которой сидели несколько активистов с разбитыми головами и окровавленными лицами, и остановился. Возле раненных сустились люди в белых халатах. Подскочили два солдата со щитами и палками и уже собирались ударами восстановить справедливость. Иван гаркнул:

– Отставить! Не надо!

В это время полетели камни, один из них чиркнул вэвэшника через открытое забрало по лицу, рассекая кожу. Врач бросился к Ивану и схватил его за руку.

– Помогите нам! Нас перебьют камнями.

Иван повернул голову к скорой и увидел испуганно-умоляющие взгляды молодых активистов с перебинтованными головами.

– Бойцы, накрываем сверху щитом, – быстро принял решение Иван. Он накрыл докторов и их пациентов, рядом то же сделали солдаты. По бронику и щитам забарабанил дождь камней, один камень больно скользнул по икре, нога подогнулась, но Иван устоял. Иван постарался вывернуть ногу так, чтобы часть, прикрытая щитком, оказалась снаружи. Каменный дождь

стал утихать. Выглянув из-под щита, Иван увидел: солдаты выстраиваются в монолитную цепь, прикрываясь щитами, а бойцы «Беркута» собирают камни и кидают их обратно в толпу. Толпа остановилась и подалась назад, стараясь отойти на расстояние, куда не долетают камни. Еще выскакивали вперед смельчаки, пытаясь попасть камнем в кого-нибудь из милиционеров, но основная масса стояла, не рискуя получить камнем в обратку.

– Пацаны, давайте за машину, – скомандовал спецназовец докторам с пациентами. Прикрывая беззащитных людей щитами, они перебежали за «скорую», а Иван с милиционерами заняли место в цепи. «Монолит к центру!», последовала команда, и бойцы начали сжиматься к центру, ставя щиты внахлест, а камни продолжали стучать по щитам, как град по жестяной крыше. Журба протер забрало и немного его приподнял, после чего посмотрел в дырки щита, что происходит впереди. Ничего не увидев, приподнял голову над щитом и увидел, что людей стало гораздо больше, и основная масса держалась на расстоянии, куда камни не долетали, но многие выскакивали из толпы и, бросив камень, бежали назад. Некоторых смельчаков настигали камни, брошенные со стороны милиции. Они падали и их тут же затаскивали в толпу. Иван поднял голову повыше над щитом, чтобы посмотреть на левый фланг протестующих, и получил удар по шлему. В глазах потемнело и он отключился. Пришел в себя от того, что кто-то дергал за плечо, во рту чувствовался соленый привкус крови, тошнило и кружилась голова.

– Дядь, ты живой? На, попей воды, – молодой солдат протягивал спецназовцу флягу. Иван обнаружил, что стоит на коленях, упершись в щит головой, а щит упирался в брусчатку. Солдаты впереди сомкнули строй, закрыв его от камней. Сплюнув кровь из разбитой губы, Иван взял флягу, прополоскал рот и, сделав несколько глотков, вернул ее назад.

– Спасибо. Давно меня вырубило?

– Я не знаю, только подошел, а вы так стоите, изо рта кровь капает и не двигаетесь, – ответил солдат.

– Помогите мне подняться, – попросил Иван. Встав, он почувствовал, что ноги немного дрожат, но в голове шуметь стало меньше, только в ушах раздавался звон. С левой стороны шлема Иван нащупал глубокую вмятину, кусок стекловолокна шлема вырвало камнем. Хорошо не в голову, уже наверно апостолу Петру бы исповедовался, – подумал боец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.